КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

...925 г. НОЯБРЬ № 11

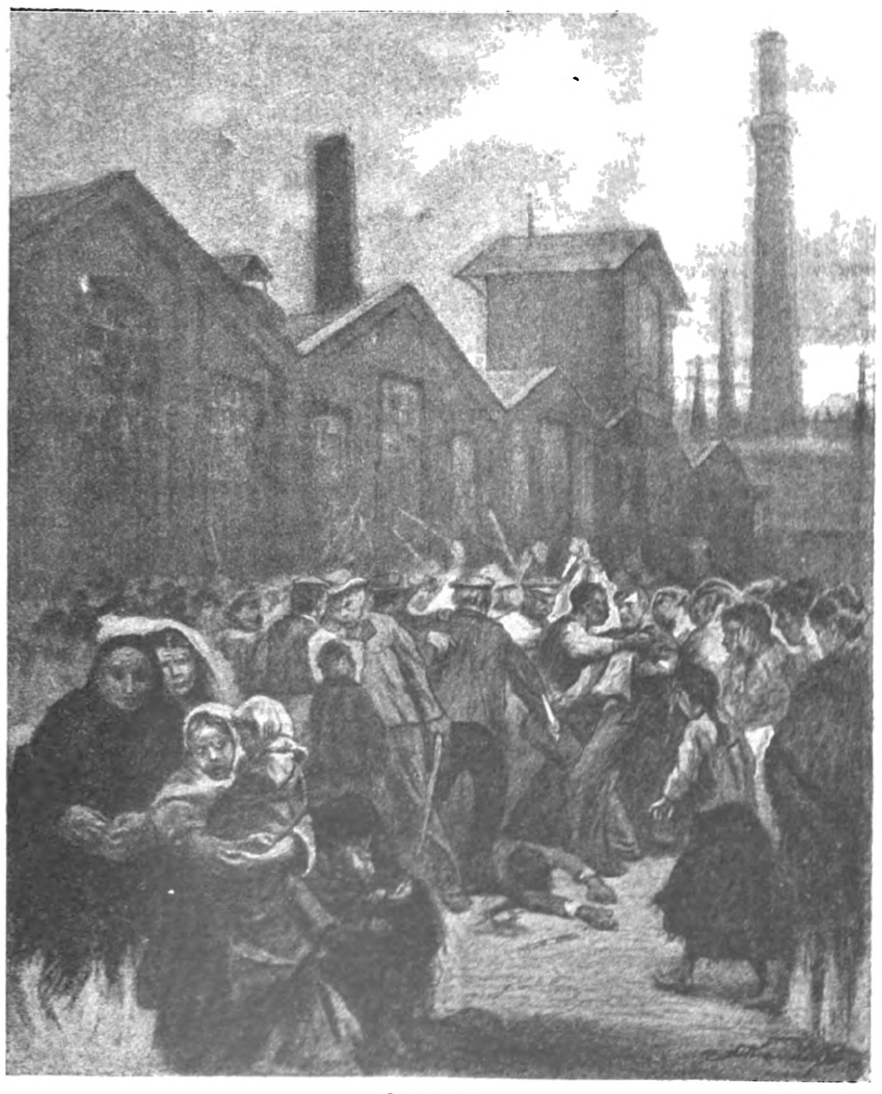
ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТ-ВО «ПРИБОЙ»

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

№ 11 четвертый год издания 1925

1905 год

Стачка

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ

ЖИВЫМ ЖИВОЕ

Настала наша очередь
Рассказывать подросткам—
Какими перекрестками,
На разворот короче...

И наш кустарный заступ
Всех юбилеев проще.
За пионерский галстук
Разведчиком на ощупь.

Не потому-ль подрядчики
Покоя не спокойны,—
На Соловки с конвойными
И хнычут по-ребячьи...

А было и такое,
Такое время было—
У сторожей покоя:
Пенька, топор и мыло...

И мы тому свидетели
И времени добыча,—
Добыче по обычаю
Намыленные петли...

За все своя расплата,
Доверчивым тройную..
Не даром вел Зубатов
Игру на козырную.

Под ремесло охранника,
Клеймен фальшивой пробой,
У Зимнего испробован
Проситель наизнанку..

Но кровь—не кровь, а цемент—
Обманутых посулом
По новому расценит
И головы и скулы.

Довольно рабством плесневеть
И у божницы чавкать,—
Ответную Очаковым!
Последнюю на Пресне!.

. . . .

Такой ценой подросткам,
За пионерский галстук,
Разметил перекрестки
Наш самодельный заступ.

ДМ. ПЕТРОВСКИЙ

БРОНЕНОСЕЦ „ПОТЕМКИН"

(1905 г.)

Закрутили в петле, смылили
Кандалами тело:
„Время, гни нас,—нету гибели:
Крепнет бури дело".
Проснется старая „потемкинцев" свобода,
Ударит буря в берег, будто встарь.
Выдь над землею буйная погода,
Громадой дальнобойной встань.
За красным корабельным лесом
Зигзагом убегает горизонт,
И время падает, как гром с отвеса,
Годов неугомонною грозой.
Расшевелитесь, серые туманы,
Раздайтесь в стороны, зеленые валы,
Пускай подумают,—сошли с ума мы,
Мы выйдем дальнобойными судами,
Что гневные „потемкинцы" вели.

Антроп из Лисьих гор

Байки

1. Пролом.

Мы со сватом Михайлой издавна друг у дружки гостимся.

Сват ко мне—на Николу-зимнего.

Я к свату—на Михайла-архангела.

Престольные праздники.

Сват Михайла—мужик не скаред: что в угощеньи, что в радущии — не попрекнешь.

Пока за столом сидишь — не один раз поясок распустишь, а из-за стола выходить — концы четверти на две не сходятся; до брюха дотронешься, просто бери палки, да выбивай зорю.

Как говорится: угощенье за угощенье— и самому изо всех сил приходится изворачиваться, лишь бы не ударить лицом в грязь.

После праздника зайдешь в амбар, глянешь в сусеки, только свистнешь, да головой покачаешь.

Столько зерна на самогон переведено...

На этот праздник сват за неделю с мужиком-попутчиком наказал.

Легко сказать — за неделю, а каково неделю пережидать: слюной одной, коли про угощенье вспомнишь — изойдешь.

Праздник довелся в воскресенье.

До пятницы еще кое-как дотянул, дальше совсем невмоготу стало.

Телегу налаживаю — ехать.

Увидала старуха, заворчала:

— Куда ты?.. людям на смех, что ли, без поры, безо времени собрался.

А я уже супонь у хомута затягиваю.

Подумал: пожалуй и впрямь людей наслушишь.

Распустил супонь, сивка за оглобель вывел.

Телегу пока до воскресенья под навес откатил.

До воскресенья на погост не отнесли — дожил.

Только, думается, не два дня—два века пережил.

В воскресенье поднялся ни свет, ни заря.

Старуха ковровый плат из сундука достать не успела, а я уже с телеги в окошко кнутовищем стучу.

И Сивко от нетерпенья с ноги на ногу переступает, головой мотает.

Мотает—бубенцами ошейника гремит.

Уселась старуха.

Достал кнут, да хвостнуть не успел: Сивко враз с места взял и в околицу.

И давай по дороге звон рассыпать: прозвенел полем, прогремел рощей, за рощей опять поле...

А там бубенцы затихли: колокольный звон заглушил.

Звонят в Белеутовском приходе.

Помахиваю.

Как раз ко времю прикатил.

На престольном уже порядок таков, что сначала к обедне, а после по гостям.

Поставил Сивка к ограде, отпустил чересседельник, охапку сена бросил.

Вокруг ограды от бубенцов трезвон идет.

И чево-чево там не наставлено: тарантасы, телеги, дроги, таратайки.

Отряхнул с поддевки подорожную пыль.

Старуха ковровым хлопает.

Бабам в сноровке за мужиками не угнаться: старуха грязь еще сколупывает, а я уже на паперти.

На паперти пономарь.

— Тебе в живую? — спрашивает.

Прямо-таки огорошил.

В церкви не впервой бывать, а такой вопрос первый раз слышу.

Да и чтоб на паперти спрашивали — никогда не бывало.

Много на паперти не надумаешь — затолкают.

— Понятно, говорю, не в мертвую... Покуда, слава богу, на погост не снесли.

— А-а, так направо, говорит, к отцу Сидору.

Опять не пойму: что за притча такая.

За обедней — не раз у отца Сидора стоял, да и у отца Пахома бывал и никогда попы богомольцев не делили.

А народ и в правую и в левую — половинки двери идет.

Я — в правую.

Вошел, руками развел.

Не узнаю церковь и только: вдоль церкви дощатая перегородка на две половины разделяет.

В правой — престол Михайла-архангела.

В левой, значит, Покров богородицы остался.

Служит отец Сидор.

Только по рукам видно, что служит.

Отец Сидор с возгласом выйдет — за перегородкой пенье возглас заглушает.

Там тоже служба идет.

Стучим по доскам, чтоб не мешали.

У нас пенье — оттуда стучат.

Так в стуке, да гуле и обедня ведется.

А когда отец Сидор с проповедью вышел, — порывался, порывался сказать и не смог.

За перегородкой всенародно запричастный запели.

И до того проняли, что даже отец Сидор из себя вышел, с амвона, что есть голосу, воскликнул:

— Доколе, граждане, козни тихоновского попа Пахома терпеть можно!

Народ, как один человек, грянул:

— Ломай перегородку!

Может в другой день покричали, покричали—тем бы и кончилось, а теперь...

Которые уже успели свата с праздником поздравить...

Всем миром на перегородку налегли.

Затрещала.

Трещит, а не подается.

Меня надоумило: взял от кануна пудовый подсвечник, раскачал, раскачал, да ка-ак по перегородке трахну...

Двух досок как не бывало.

Еще—и еще две доски.

А после третьего — ворота.

Видим и там народ за подсвечники хватается.

Мне может и не следовало бы в чужом приходе в канитель ввязываться...

Да уж больно пеньем душу вымотали.

Что же касается праздника...

К свату не заезжал...

Впрочем...

Когда ехал...

Крестник Лешка самогон в роще гнал, попробовать просил.

И отведал-то сущий пустяк...

Даже не разобрал крепок ли...

Народ с обеих сторон в пролом хлынул.

Такое смешение языков пошло. .

Только, господи, твоя воля!

Не то головы от икон, не то иконы об головы трещат.

От подсвечников лишь звон идет.

От бород—клочья.

Бабы и то друг дружке в глаза свечками пыркают.

А попы...

Поп Пахом попа Сидора крестом благословляет.

Поп Сидор попа Пахома кадилом кадит.

А я, как богатырь в старину, подсвечником по сторонам помахиваю.

Всякий от меня норовит посторониться.

Пожалуй подступись: мокренько останется...

А все-таки один храбрец нашелся, сунулся.

Только я было крякнул, да подсвечник ему на голову опустить собрался...

Вместо подсвечника опустились руки.

— Сват Михайла!..

И сват „Всех скорбящих радость“ к полу опустил.

— Антроп!.

Я было к свату с почтеньем.

А сват мне — плевок.

— Обновленец проклятый!..

Плевок по бороде у меня расплывается.

— Ах ты!..

И опять подсвечник — горе...

Да кто-то меня опередил: хоругвью по голове огрел.

И так благословил, что инда в глазах потемнело.

Не помню, как из церкви вышел, не помню кто и лошадь подседлывал: я ли, старуха ли, или кто другой.

Только и опомнился, когда уже полем лисьегорским Сивка нахвастывал.

От чего опомнился тоже не разберу: морозцем ли освежило, старухино ли зуденье уши прожужжало.

Старуха до самых Лисьих гор пилила.

И пилила-то тупой пилой.

Как же, обидно: в гости ехала и не погостила.

А мне одна забота, как бы пред соседями извернуться.

Не засмеяли бы...

Гостились, гостились мы со сватом Михайлой и больше не гостимся...

А из-за чего? .

Все из-за попов...

---

2. Фальшивый барин

И время же пришло...

На сходке не поймешь: не то сходка идет, не то башня Вавилонская строится.

Молодежь заговорит — старики не понимают.

Старики заговорят — молодежь фыркает.

Иной раз и сказал бы — промолчишь.

По новому сказать не сумеешь, а старые слова на смарку пошли.

Да и себя ронять — резону нет.

Бывало молодежь в песне, да хороводе только и послышишь, а теперь...

Плюнешь, сядешь на заваленку, да молчком бороду жуешь, словно тебя и на сходке нет.

— Делайте, что хотите!..

И делают.

Плохо ли, хорошо ли — это уже иной разговор будет.

А все-таки, думается, зря молодежь со стариками рознь заводит.

Что ж, другой раз можно бы и старость почтить...

Вот из-за этой самой розни и грех у нас вышел.

Накануне Петрова дня или Казанской...

Дай бог память...

Кажись, о Казанской. .

Разве теперь праздники упомнишь, когда Петров-день передвинулся к Казанской, Казанская — к Илье-пророку.

Праздники передвинулись, а работа на прежнем месте осталась.

Одно помню, что сено сушил, а из какого поля покос: из ярового ли, из озимого ли — сказать тебе не смогу.

Только-только растряс сено, поворочать не успел, — Матюшка Секлетиньин подвернулся.

— Дядя Антроп, приходи завтра в училище.

— Зачем?

— Там узнаешь.

А сам уже по задворочью к другим лупит.

И другим тоже:

— Приходи...

— Приходи...

Что там за дела такие, думаю, появились? .

Уж не хотят ли стариков всех окомсомолить.

Нет, это к фигам...

А самого так и подмывает узнать.

Насилу, насилу дождался другого дня.

За обедней не столько молился, сколько думы разные в голове перебирал.

И так голову затуманил, что не слыхал даже окрика отца Асафа.

Только и почуял, коли отец Асаф за плечо дернул.

— Ты что, Антроп, стоишь?

Глянул: в церкви — я, да отец Асаф — остались, народ давно по дворам разошелся.

И отец-то Асаф разоблачился.

Буркнул ему что-то в ответ, да скорее на паперть.

Пытал у ребят.

С какой стороны не подъезжал — молчат.

Молчат, а сами ухмыляются.

Хитро ухмыляются.

Первая звездочка — на небо, я — к школе.

В школе полно: со всей деревни народ собрался.

На скамейках только гуд идет.

Парты вынесены.

Пол-класса подмостки занимают, по сторонам холстиной обтянуты.

Пока оглядывался, пока приглядывал где бы сесть, подкатывается Матюшка.

— Дядя Антроп, садись в первый ряд. Гляжу, на передней скамейке все почетные лица сидят: Нефед Иваныч, Кузьма Матвеич, Петр Савельич, а как Пахом к их компаньи пристроился — уж не знаю.

— Нет, говорю, я подальше куда.

А Нефед Иваныч — мне:

— Садись, коли почетить тебя хотят.

И чуть-чуть в сторону подался.

Уселся.

Пожалуй, и не ладно сделал.

Слышу за собой:

— Эва, Антроп уже с кулачьем ладить стал.

Я было и на попятную.

Да свет в классе погасили.

С одной стороны подмосток холстину отдернули.

Батюшки!

Барская квартира, барин трубкой дымит и холуй у двери.

А барин как будто бы знакомый.

Где-то встречал, а где—не припомню.

Народ пригляделся, шепчут:

— Ведь, это наш земский.

— Воно кто!

Он и он.

Он — и по бородке овечьим хвостиком, он—и по фуражке с красным околышем и кокардой.

Кому земский барин не памятен?

Всякий помнит: кто затылком, кто поясницей...

Кое-кто из передних рядов в задние перешел: не попасть бы барину на глаза. Если снова барин объявился — кто-е знает, что будет.

С новым правом думали барин навсегда исчез, ан опять...

И держит-то себя по-барски.

Кричит:

— Ввести Петра!

Холуй вводит Петра.

Петр — как и полагается быть Петру: лохматый, нечесанный.

Вошел и прямо барину в ноги.

— Дозволь, батюшка барин, Катюшку за себя взять.

— Катьку?

К холую:

— Подать Катьку сюда!

Вводят Катюшку.

Катюшка — как и Катюшка.

В передник зарделась.

— Эге! — говорит барин — у тебя губа не дура... Да не по твоему она рылу...

Петр снова лбом о пол.

А барин — холую:

— На конюшню его!

Петра увели.

А Катюшке:

— Ты останься здесь...

И так это меня за живое задело:

— Ах ты, говорю, песья твоя душа!.. Ты и при нашем-то праве крепостные порядки вздумал заводить!

Да и на подмостки...

Да барина и за грудки, да...

Барин на пятой скамейке очутился.

Старики там приняли...

Такая кутерьма пошла...

Такой гвалт поднялся...

Всякий за прежние обиды к барским зубам тянется.

На что стара, дряхла Силантьевна и то разок-другой клюкой пнула, а бабушка Хавронья во всю щеку ногтем память оставила.

Силантьевна с бабушкой Хавроньей крепостное право помнят.

И так-то барина разделали, что даже волосье с головы слетело.

А бородки и подавно нет...

Рыжее слетело, черное осталось.

Смотрим — глазам не верим.

— Митрошка!

Митрошка — внученыш бабушки Хавроньи и есть, — кровь из зубов отплевывает.

— Что вы, очумели!

На подмостки глянули, — там не холуй, и не Петр, и не Катюшка, а Матюшка Секлетиньин, Павлушка Гурьянов, Таюшка Пахомова, с ними и прочие комсомольцы.

Кричат:

— Антропа надо в Бурашево отправить!

А в Бурашеве сумасшедший дом...

Я и без них в затылке почесываю.

— Ишь, вырядились... Шут вас знает... По повадке и по нраву барин и барин... Вы бы хоть заранее сказали, что барин фальшивый будет...

А мне на стену показывают.

— Смотри!

Вижу, на аршинном листе, четвертовыми буквами выведено:

ЖЕНИТЬБА ПЕТРА.

Драма из крепостных времен, в 4-х частях.

Сочинение комсомольца Митрофана Зуйкова.

А я на спешку и не заметил.

Бывает же такое затмение...

А все оттого что молодежь — по себе, старики — по себе.

---

3. Колдун

Архипыч по знахарству мороковать стал.

Знахарь, говорят, на пользу людям.

Он тебе и дурной глаз отведет, он в ковше с водой и лихоимца на твое добро покажет, и девкам даст вволю на суженого налюбоваться, он — и колдуна укажет.

Колдуна без знахаря не найти.

Колдун вредит людям втихомолку.

Притку ли напустить, лихоманкой ли кого пронять, или сухоткой в три погибели скрючить — такие дела на людях не делаются.

Где, когда Архипыч с чертями спознался, сказать тебе не смогу.

Разное люди болтают: кто говорит, странник будто перед смертью передал.

Ведь, колдун перед смертью до тех пор мучается, покуда колдовство от него кто-нибудь не примет. А кто — будто Архипыч чорту душу продал.

Бабушка Домна, сказывают, даже видела как „он" за душой к Архипычу летел: искрами над деревней рассыпался.

Верь — не верь, за что купил, за то и продаю: люди соврали, значит, и я вру.

И знахарем-то Архипыч как-то сразу объявился.

Разостлала соседка Ненила холсты в огороде зорить.

Вечером разостлала, утром пришла собирать, а на месте холстов трава отросела, словно вчера и не растилала.

Ненила аж присела.

Присела, взвыла.

Взвоешь, как еще взвоешь-то... Новина готовой на полосе не вырастает, — за новину нужно: целую зиму на гребне мочку пощипать, пощипать да языком смочить, веретеном покрутить, когда-когда мыкальник веретен накрутишь. Накрутишь — перемотай простики в початки, с початков на мотовиле в моты. Моты попарь, да поволи, перемотай на порочку, а уж с порочки снуй на сновальнице в основу.

Пол-дела сделано. Только бы вздохнуть — глядь, весна в окошко стучится, вноси стан в избу. И опять: навей основу на навой, пропусти в ниченки, продень в бёрдо. Кончишь с основой, принимайся сучить уток на цевки, да гоняй челнок в зеву основы. Зев раскрывается от подножек. Ну-ка, день-денской попереступай подножками, да похлопай набилками. За каждый переступ, за каждый хлопок — холста на блошиный шаг прибывает. Да пока основа с навоя на пришву холстом накрутится — не один раз поясницу на печке погреешь. Это еще не все — надо холст золить, парить, на росе позорить...

От такой работы жизнь свою проклянешь.

Только характер бабий такой, что к кропотливому делу привычен, не то бы...

Доведись хоть до меня — скажу: лучше без порток прохожу, нежели муку новинную переносить.

И вдруг все труды Ненилины прахом пошли.

Из огорода Ненила по-задворочью с людьми посетовать побежала.

В горе, да беде всегда к людам тянет: кто поахает, кто повздыхает — глядишь, с сердца и камень долой.

От одного к другому и дошла Ненила до Архипыча.

Архипыч телегу налаживал.

Ненила — слезницу:

Так и так.

Архипыч — мазок в лагунку, из лагунки — в тулку.

Молчит.

Надел колесо на ось, повернул, чтобы деготь не стекал.

Повернул, заговорил:

— А у Федора в овине соломы много, много... А новин то еще больше...

Ненила никак не поймет, к чему он речь клонит.

Переспросила.

Архипыч еще больше туману напустил.

Подумала, подумала Ненила, в гумны направилась.

— Нешто попытать...

Давай омет Федора разрывать.

Докопалась до одонка.

— Господи!..

Все точно по слову Архипыча сбылось.

Лежат холсты рядками собранные.

Перекрестилась: не навожденье ли.

Бывает, что для греха лукавый глаз отводит.

Со мной раз случай вышел.

Шел от свояка из гостей...

И выпил-то сущий пустяк...

Да что же я, начал о здравии, кончаю за упокой?..

Схватила Ненила холсты и к Архипычу.

Прибежала — бух в ноги.

Поднялась — еще.

— Дай тебе бог здоровья!..

Архипыч за труды холст себе оставил.

И повалил к Архипычу народ.

— Больно хорошо помогает...

Нанесли всякой всячины — горы.

Ходил и я, когда у „хозяина" на дворе со скотиной нелады пошли.

Архипыч, как и заправский знахарь, прямо не скажет, а все обиняком.

Догадывайся сам, что значит.

У Кузьмы Иваныча воронка со двора свели.

Вор руку, ногу на дворе не оставил— ищи.

К Архипычу:

— Сделай милость!..

Архипыч слова не сказал, сразу за шопотки.

Пошептал, пошептал, — пошел.

Идет за околицу.

Мы за ним.

Он — к лесу.

Мы к лесу.

Он — в Студеное болото.

Мы не отстаем.

Да в такой бурелом завел; деревья и так и сяк, думается, зайди один—век не выберешься.

Слышим из валежника воронко голос подает.

Вон куда завели...

Кузьма Иваныч услыхал, метнулся к воронку, в корнях ели поваленной застрял, насилу вытащили.

Народ просто диву дался.

— Дает же господь людям!

Я на след лошадий глянул, рядом след сапога.

Присмотрелся — так и ахнул.

— Гляди-ка, братцы, след-то с Архипычевым сходен!

Сказал—не подумал...

Сличили мужики.

— И впрямь походит... Вот и латка на подметке отпечаталась.

Бывает же такое совпадение!

Архипыч на меня глянул.

Так глянул — волк ласковее глядит.

По деревне слух пошел:

— Архипыч хочет килу на Антропа напустить.

Старуха Архипычу десятком яичек кланялась: сменить гнев на милость просила.

Не принял.

С людьми встретишься,—соболезнуют:

— Эх, Антроп, Антроп, пропадать тебе.

И сам вижу, что попал-таки в перешивку.

С колдуном связаться — не дай бог!

Да что с моим языком поделаешь.

Который раз подводит...

А чуть поясницу к непогоде заломит, все думается: кила садится.

Балакаю, как то праздничным днем на заваленке.

Подходит Архипыч.

Никому: ни здравствуй, ни прощай.

— Петух-то красный прыг, прыг... Да-на амбар Антропа и сел...

Сказал, ушел.

Все закрестились.

— Спаси господи и сохрани!

У меня язык к небу прильнул.

Прильнет, коли пожар под гребеночку причешет.

Ночью ворочаешься, ворочаешься на печи, не вытерпишь, — накинешь кафтанишко и в обход.

После обхода только и заснешь.

Раз как-то собака на дворе больно завыла.

Вышел на улицу.

Собака воет и воет.

Оторопь взяла.

Все же обошел двор.

Ничего.

Сарай — слава богу.

Зевнул, и к амбару.

Глядь, у амбара огонек сверкнул.

Сверкнул, да по застрехе пламенем пробежал.

— Батюшки!..

От амбара к тыну тень мелькнула.

— Краy!.. Краy!.. Горю!..

А сам к тыну.

И в огороде за ворот кого-то сгреб.

Отбивается.

Отбивается молчком.

Я ворот кручу.

Захрипел.

— Отпусти, Антроп, амбар свой отдам.

— Краy!

— Лошадь еще возьми...

— Краy!

— Ради Христа.

— Краy!

Кричу, а сам, знай, ворот кручу.

Хрипеть перестал.

Может и в душегубы попал бы, да спасибо, народ сбежался — отняли.

— Ты чего его давишь?

— Поджигатель!

Глянули.

— Архипыч!..

Кто — за чужую спину.

А кто и не сробел.

— Бросай в огонь!

Тут я опамятовался.

— Нет, православные, так нельзя..

— Бросай!

Ой!.. Отвечать бы не пришлось..

Малость остыли.

— Бери, Антроп, на свою голову... Коли что... И тебе не сдобровать...

— Ладно.

До утра заперли Архипыча в сараюшку.

Утром в город представили.

Так колдуны в Лисьих горах и перевелись.

Впрочем...

Меня как-то было ни с того, ни с сего в знахари произвели...

Об этом после, а теперь ..

От амбара только пепелок ветром веется.

Два сусека ржи, да сусек овса, как не бывало.

4. По-божески

Есть у нас Прохор Егорыч.

Прохор Егорыч — мой одноосьмашник.

Мужик скопидом: изба — добрый десяток деревень проедешь — позабудешь, а избу Прохора Егорыча — не забудешь.

Да, ведь, не одной избой живет мужик: нужна и клунька, куда бы соху с бороной на зиму прибрать, или телегу от непогоды откатить, и сараишко под сено нужен, а без амбара под зерно уж никак не обойдешься.

У Прохора Егорыча обзаведенья не перечислять стать — всего вволю: сарай, что брюхо сытое, сеном опучился, в амбаре — от зерна сусеки трещат.

Двор и подавно не могила: там и ржанье, и мычанье, и блеянье,— понимаю только для мужичьей души музыку, а о бабьих подголосках: кудахтанье, гоготанье — молчу.

Словом, если бы Прохор Егорыч, подняв глаза в красный угол, сказал:

— Слава те господи!

Так сказал бы от избытка души.

Сказал бы...

Только не знаю: слыхал ли господь, когда от Прохора Егорыча благодарное слово.

В церковь и кнутом не залучишь: все недосуг.

Нешто-нешто в престольный, увидишь, перед местной иконой свечку, с сосульку в зиму бесснежную, ставит.

И то, чай, становит больше от людей, в престольный — на что Пахом — голь перекатная, и тот норовит свечку золотом перевитую поставить.

А золотая свечка гривенником тянет.

По годам-то, думается, пора бы Прохору Егорычу и к господу малость подластиться: уже борода заснежилась, а макушку жарче солнышко припекать стало.

А он о счетах-расходах с господом и думать не думает.

Должно быть два века прожить хочет ..

Мне что? живи, я говорю не в осужденье, а в рассужденье.

До работы жаднее Прохора Егорыча, хоть весь свет обойди, не сыщешь.

Солнышко всходит — в поле, заходит — в поле.

Когда только спит?

И спит ли, доподлинно сказать тебе не смогу.

А вот, чтобы при достатке людям порадеть, — у Прохора Егорыча зимой снега не выпросишь.

Нищий норовит его избу другим посадом обойти.

А если нужда так прижучит, что остается или омут, или Прохор Егорыч, волей-неволей идешь к Прохору Егорычу.

Приходишь: так и так.

А он протянет руку, — рука у него, словно ель сучковатая, маслаками, да мозолями во все стороны топорщится.

— Вот, брат, к кому кучиться надо... Коли одна рука не поможет, к другой кучься... А к чужим стыдно, коли своих две!..

Уйдешь — краснее солнышка пред ветром.

...Как не крепок, как не тверд был Прохор Егорыч, а все-таки подался.

На свете и все переменчиво.

На что крепок, упорист дуб, глядишь, другие деревья ветру в ножки кланяются, он и головой не тряхнет, а бывает, что и от дуба один пенек остается.

От дуба хоть пенек да остается — от Прохора Егорыча и пенька не осталось.

Началось это с ним с обретенья.

На обретенье к Макарью богомольцы со всей России собираются.

Бывало глянешь за околицу по дороге, точно мухи-слепни ползут и ползут, без конца ползут.

Теперь хоть и пожиже стало, но все же не перевелись.

От Лисьих гор до Макарьевского монастыря рукой подать.

В деревне остаются лишь те, кто на свои ноги не надеется, а лошадиных нет.

Слепых стариков, старух и то за новыми глазами к преподобному везут.

Что же я болтаю: не остаются?

Да Прохор Егорыч в поле пашет!

Обретенье в яровой сев приходится.

А как яровой сев?—на день запоздал, работа прахом.

В сев Прохора Егорыча из поля калачом не выманишь.

В этом году обретенье в воскресенье пришлось.

День свободный, а в деревне народу, больше чем ушло, осталось. Молодежь песни горланит — так и быть, а вот старики лысинами кое-где на заваленке поблескивают, — это уж иной разговор. Зато...

Кто бы мог подумать?

Народ к окнам так и шарахнулся.

Прохор Егорыч пошел!

Услыхал я — усомнился, в окошко глянул:

— Поди, врут, чай...

Гляжу и впрямь Прохор Егорыч по дороге пылит.

Не вытерпел, спросил:

— К преподобному?

Ни гу-гу.

Поахали в деревне, руками поразводили, успокоились.

Вечерком судачим на заваленке. Прохор Егорыч от Макарья бредет, присел передохнуть.

Глядим — глазам не верим: по обличью будто Прохор Егорыч, а на Прохора Егорыча не походит.

У Прохора Егорыча всегда лик насупленный был: брови, словно корни у сосны подмытой, над переносьем нависли, теперь же ладонь у овина для молотьбы обмятая, пожалуй и не ладонь: на гумне звезды не горят, а в глазах Прохора Егорыча, как в небе вечернем первые звездочки зажглись.

Заговорил Прохор Егорыч — по речи опять не Прохор Егорыч.

От Прохора Егорыча кроме, как про молотьбу, косьбу, да пашню ничего иного не услышишь, а сейчас:

— Мы должны по-божески жить...

Говорит, а у самого на губах, словно солнышко на восходе лучами, улыбка играет.

Солнышко-то сияет да на лицах мужиков темная ночь.

— Да-а, как сказать...

А Прохор Егорыч свое:

— И запало мне в голову севоднешнее слово евангельское: коли имеешь две ризы—одну отдай другому .. И думаю я, вот бы нам по слову евангельскому

жить: чего у тебя нет — идешь ко мне, у меня нет — иду к тебе.

Пахом тут и ляпни:

— Складно ты одначе поешь . . . Складно да не ладно... Что как к тебе за пегашкой на запашку сунусь, а?... Ты пожалуй так турнешь, что гашник у порток не удержишь!

Народ загоготал.

Загоготал, да на полсмехе осекся.

Прохор Егорыч:

— Бери хоть на две... Паши на здоровье!

Пахом на попятную:

— Нет... Я только к слову...

У Прохора Егорыча солнышко не на восходе — на полднях.

— Чево нет то... Бери...

— Спасибо коли так... Приду...

Тут и весь народ заговорил:

— Во-во... Все мы должны жить по-божески.

Солнышко с полден и совсем на землю спустилось.

— Давайте заживем, православные...

— Давайте...

Не-ет, не Прохор Егорыч это!

Запахал Пахом на пегашке поле. Обыденкой к свату в гости скатал. Пора бы пегашку и к хозяину представить, а Пахом думает: дай-кось на бороньбу задержу, ведь, Прохор Егорыч не спрашивает, ни наказывает ни с кем.

Заборонил, на сенокос оставил, а там снопы возить, — перевозил снопы, — опять пашня: под озимое, — в крестьянском деле лошадь — третья рука.

А после пашни отвести и в голову не пришло, будто пегашка на дворе Пахома век стоял.

Прослышали другие, что Прохор Егорыч зажил по-божески, просто валом к нему повалили.

Тому-то, этому-сё понадобилось.

От Прохора Егорыча никому отказа нет.

Дарья-бобылка корову исполу ребятишкам на молочко выклянчила.

Уж на что Нефед Иваныч, — у него добра у самого через край, и то пришел клуньку попросить.

Прохор Егорыч даже удивился.

— На что тебе клунька? Недавно сарай новый поставил?

— Да, ведь, как говорится: свое добро не тянет... Коли жалко, так я, пожалуй...

— Что ты .. Что ты!.. Господь с тобой... Пользуйся на здоровье... Мы должны по-божески жить ..

— Да, верно, по-божески... Ох, грехи, грехи... Благодарствуй на клуньке...

— Куда ж ты?.. Потолковали бы про божественное...

— Некогда сейчас-то... Как-нибудь в другой раз забегу...

— Заходи.

Мало-по-малу роздал Прохор Егорыч все добро, осталась одна изба.

Мне всего только пара сошников досталась, — все совесть... Люди-то без совести вон по скольку нахапали, а я с совестью просидел...

Федор-погорелец попросился в избу до новой стройки пожить.

Пустил Прохор Егорыч—места хватит.

Федор благодарить не знает как, — еще бы не благодарить, который год по овинам после пожара мается, может, кабы не Прохор Егорыч и век бы промаялся.

Обжился Федор вроде как бы намекать стал, что двоим на печке тесновато.

Прохор Егорыч перешел на полати.

Жена Федора заворчала: ребятам спать храпом не дает.

А баба у Федора, я тебе одно скажу: язва.

Покряхтел, покряхтел, перешел на лавку в переднем углу, и там помешал, в задний — тоже покою нет.

Метался, метался по избе Прохор Егорыч, собрал котомку, помолился, да из избы и вон, думает: мне в каждой избе приют будет.

Пришел к Поликарпу, ночь переночевал: накормили, напоили, о божественном потолковали, на другую — отправили к соседу.

И сосед в радушии не отказал.

А когда всю деревню обошел, опять с Поликарпа повторить хотел, — у Поликарпа калитка на запоре.

К Нефеду Иванычу — у Нефеда Иваныча собака за порчину.

Переночевал в овине.

В другую деревню перебрался — та же история.

Совсем извелся старик, скажи, хлеба ни у кого не допросится. Нищему подают, а ему отказывают: сердятся что другому больше дал, разве всех ублаготворишь.

Другой раз из жалости и покормишь его, да, ведь, хлеба на всех не наготовишься.

Везде все хлеб и хлеб: и продналог отдай, и одеться, обуться нужно, и скотине мякину попудри.

Лишний рот куда как начетист.

Вдруг...

Словно снег на голову, — из волисполкома бумажка: „возвратить все вещи Прохору Егорову“...

Прочитал районный на сходке бумажку.

— Эва, подарил да и назад.

Поговорили, разошлись, думали тем и кончится, ан...

Прохор Егорыч с милицией нагрянул.

С милицией не с мужиком—много не наговоришь.

По избам с обыском.

Ну и память же у старого чорта!

Кто что взял, без записи помнит.

У меня украли один сошник, пришлось свой отдать.

И дернуло же меня просить, сошники совсем не нужны были.

Федора из избы вытурил.

Да какую еще штуку выкинул: женился!

Варюшку Пахомову взял.

Совсем девчонка.

Польстились на лошадь, думали у тестя посовестится отобрать.

Отобрал.

Вот поди ж ты...

Говорит:

— Жизнь сызнова начинаю.

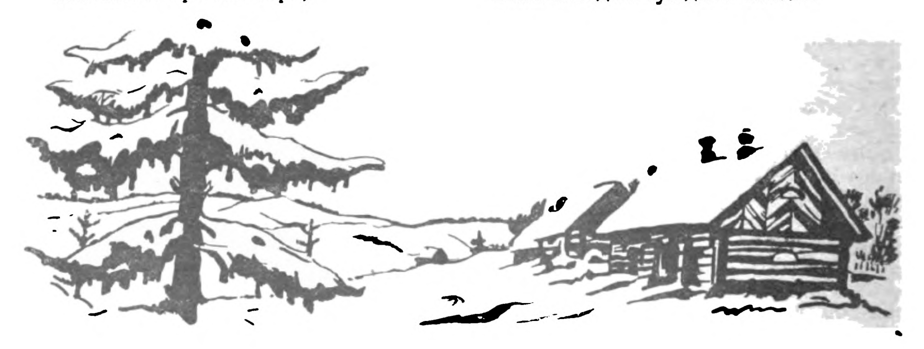
А спросишь когда про божественное,— только отплюнется.

Видно, всяк по своему с ума сходит.

АНАТОЛИЙ БРАУН.

ВЕЧЕР

Тает день. Из-за решетки сада
Потянуло снова темнотой
И пастух от водопоя стадо
Прогоняет по полю домой.
На лугу, за вьющимся оврагом
Визг девичий и ребячий рев—
Там хмельной веселою ватагой
На заре встречаем пастухов.
Над полями замелькали сохи,
Лемехами яркими горя,
А по небу золотые крохи
Рассыпает щедрая заря.
И когда сырой прохладной шалью
Тишина оденет лугова,
Мы отправимся в избу-читальню
Слушать книг правдивые слова.
Там, вдали от суеты житейской
Нам расскажет красная печать,
Почему на лбах красноармейских
Этим звездам суждено сиять.

Любовь комсомольская

И. СКОРИНКО

На кухонной плите сидел комсомолец Витька Сажин, и из кучи тряпья выбирал заплату.

Окруженные рыжими, усыпанными слезинками пара, горшками, лежали брюки, сверкающие масляным глянцем от карманов до отворота. Но в том месте, где Витька обычно утирал свои масляные руки, среди глянца зияла дыра, опушенная ниточной бахрамой.

Закрыть эту дыру—вот что пытался сделать Витька в продолжении долгого времени.

— Прямо-таки... скверно... стыдно даже... чорт знает что... нового по бедности нет и заплаты черной не найти... и таки далее.

И подняв кучу рукой, сыпал на плиту красные, зеленые, белые лохмотья.

Зубы сжал от прилива злобы и раздражения и взглянул на часы.

Десять.

Витька выхватил из груды отрепья лоскут красного бархата и залепил прореху в глянце штанов.

Воткнул свои ноги рывками в широкие раструбы брюк и выбежал из квартиры.

У вокзала он остановился, осматриваясь по сторонам.

Густая темнота беззвездной ночи плотно охватила город и даже одиночные огоньки домов, мерцая, казались прятающимися светляками. Растопырив руки, широко раскрывая глаза, приблизился к ограде городского сада Свободы и пошел вдоль, наполняя темноту восторженным шепотом.

— Шурочка, моя крошка, где ты?

— Я здесь!

Остановившись, напряженным взором всмотрелся вперед и увидел в темноте колышащееся белое пятно—шляпу Шуры.

Витька не видел ее два дня. Тоскливая тяжесть, накопившаяся за это время, вырвалась радостным воплем.

— Милая...

Рванулся вперед, широко раскрыв для объятий руки и крякнул, ударившись о землю.

Холодная жижа лужи просочилась через штаны и вздрогнул от неприятного ощущения Витька.

— Милая... как я рад тебя видеть...

Поднявшись, сжал руками плечи Шуры, с усилием прижимая свои губы к ее полуоткрытому рту.

Была темная, беззвездная и безлунная ночь. На скамейке, прижимаясь к Шуре, уселся Витька и ерзая от счастья и неприятного ощущения сырости, закрыв глаза, жестикулируя горячо, шептал с напевом:

— Ты видишь. . Вот твоя и моя звезда... мерцает в эфире . О чем это говорит... А о том, славная Шурочка... есть два родственных существа... и таки далее.

Голову наклонил к плечу Шуры и затих, прислушиваясь.

— Шура... я... я люблю тебя,—поднимая голову, продолжал Витька.—А ты меня любишь?

За оградой, в саду, под шагами людей, заскрипел промерзший гравий.

Витька ухо повернул к саду.

Говорило двое людей.

— Думаете, что увезете?

— Большевикам.., библиотеку не оставлю... конечно. Пять тысяч томов вывезу отсюда... с товарной... в одиннадцать.

— Милый, — прижимаясь к груди Витьки,—прошептала Шура,—я люблю...

— Потом!. Подожди! — отмахнулся Витька и, перепрыгнув лужу, побежал от сада, в темноте спотыкаясь о камни.

— Пять тысяч томов... пять тысяч...

Перед глазами поднялась гора книг, освещенных двумя звездами с высоты эфира, под нею алело сердце, пронзенное стрелой.

— Пять тысяч томов,—еще раз повторил Витька.—А в райкоме всего двести.

Прибежал в райком. В кабинете секретаря, наполненным лиловым табачным туманом, слышался протяжный гул голосов, шарканье танцующих „па-д'эспань ног, под дрожанье мандолины.

— Ребята... пять тысяч томов... а у нас всего двести—крикнул Витька, и опустился на скамейку. С хрипом втягивая воздух, утер на лбу пот, заговорил повелительно:

— Ша! ребята... Буржуй увозит книги... нужно захомутать. За мной!

— Даешь буржуя,—заколыхался от рева туман и поплыл густыми облаками за выбегающими комсомольцами, в раскрытую дверь райкома . . . . .

. . . .

Перрон багажного пакгауза освещался мерцающим блеском фонаря. Посапывая под тяжестью забинтованных в рогожу тюков, по скрипящим доскам настила, грузно шагали носильщики, укладывая в товарный вагон спасаемую от большевиков библиотеку.

— Осталось десять—крикнул хозяин, обернувшись к возам. И не заметил, как в настил уперлись пальцы чьей-то руки и бесшумно в вагон впрыгнула фигура.

Кончилась погрузка. Перекрестился, сняв шапку, хозяин, левой рукой протягивая носильщикам листы хрустящих керенок.

— Зажимай, братцы, пломбу...

Хрустнули кости от нажима на пломбир, чавкнул зжимаемый свинец.

Не перроне зашлепали сапоги удаляющихся носильщиков.

Прошло минут пять.

В застывшем, запечатанном вагоне послышался легкий шорох шагов, трещание рвущейся бумаги и скрип открываемого верхнего окошка.

Мелькнуло лицо Витьки. Рука выбросила со свистом камень. Закачался от удара фонарь и темнота поглотила вагон, пакгауз. А из окошка, глухо ударяясь о настил, полетели обратно тюки с литературой, подхватываемые юркими молчаливыми фигурами, быстро выскакивающими из под вагонов, и также быстро исчезающими в темноту.

Когда удары падающих тюков смолкли,—донесся из окошка шепот, вылезающего Витьки.

— Национализнули все... и так далее.

Кольцо окошка притянул проволокой к гвоздику и осмотрелся по сторонам.

Далеко на западе темную массу ночи прорвала, шевеля светом, звезда. Вспомнилась ограда и простенькая фигурка в белой шапочке,

— Любит ли она меня... родная?

Тревожно забилось Витькино сердце, не находя в темноте больше звезд.

— Эх! Что нам с Шурой звезды?— встряхнул головой парень—у нас теперь библиотека.

Протанцовал, вскидывая ногами пад'эспань и побежал, насвистывая, к райкому. . . . .

. . . .

А там, попрежнему клубами колыхался табачный туман, дребезжала простуженная мандолина и шаркали десятки комсомольских ног, танцующих хороводом вокруг горы наваленных тюков. Слышался радостный напев:

Мы на горе всем буржуям
Библиотеку раздуем.
Утерли буржую нос,
А в райкоме книжек воз.

А в углу, флегматичный секретарь райкома, всматриваясь в кучу книг, машинально тянул:

— У нас книжек прибыло, прибыло.

Вскидывались легко ноги танцующих, в такт раскачивались головы и плечи, и перед лихорадочными комсомольскими глазами сыпались из разрезаемых Витькой тюков, переливающиеся всеми цветами радуги, обложки книг.

Дрожащими от радостного волнения руками Витька провел ножем по рогоже, пахнувшей сладко лесом и поморщился: из тюка на букет цветистых обложек поползли черные, серые брюки, фраки, смокинги и скатывались с противным стуком ботинки разных размеров и фасонов.

Затихла комната. Замолк хоровод. За окном только слышалось звонкое тиканье падающих с крыши капель.

Витька лежал плечами и поспешно стал втискивать в тюк буржуйские наряды. От напряжения разглаживались складки брюк, вырисовывая из сального глянца красный бархат заплаты.

— Буржуй... несчастный... вором теперь, скотина, будет звать...

По полу застучали выпирающие из рваных ботинок грязные Витькины пальцы.

Потом вскочил. Веревками замотал тюк и, вскинув решительно и сильно на плечи, направился к двери.

— Витька, куда? — спросил секретарь,—постой!

— Пусть себе все берет... у него портки-то рваные и сапог нет...—высунулась комсомолка.

Быстро оборотился Витька и заскрипел зубами, смерив ее взглядом полным ненависти.

— Ты... дура... и... дура... и стерва.

Облокотившись на стол, набросал записку.

— Мы взяли книги у тебя, чудака, чтобы могли быть образованными, но мы не хотим быть франтами и ворами и оставляем твое барахло. И с заплатой на ж... можно быть счастливым.

Любители книг и знания.

Сунул записку под веревки тюка и быстро направился к станции . . . .
. . . .

Возвратясь из вагона к ограде сада, Витька увидел волнующее белое пятно, заплаканная и дрожащая Шура сидела на том же месте. Витька подсел к ней, поцеловал ее холодное лицо.

— Шурочка. . не сердись, милая. . в библиотеке теперь пять тысяч двести томов... и таки далее.

Нежно привлек ее голову к своему плечу и с мечтательной радостью всматриваясь в одинокую звезду, продолжал...

— Те же звезды на небе высоком улыбаются нашей любви.... счастью.. любишь ли ты меня, крошка... Будет день, дорогая, и скоро... я сам себе справлю новые брюки... и тогда... тогда я приду за тобой и мы.... запишемся и таки далее — и закачался счастливый, убаюкивая Шуру.

— Приходи, милый, в старых!

Упала на горизонт черная завеса и, склонив в умилении голову, улыбалась добродушная луна, замерцала в эфире вторая ее звезда.

Посвящается Давиду-Лурье.

ЕФИМ БЫСТРИЦКИЙ

Менаше Шрам был один из первых пионеров ячейки РКП в местечке Каныбылод; но от своей неудачи он погиб с заповедной болью в надорванном сердце. Менаше знал в жизни: стылые изморозью дни, слепую лошадь отца с разорванными копытами, с отросшей гривой; в 17 лет не-младенческие сны обжигали его восторгом неизведанной тайны, а в 20 — неразделенная любовь к Мане Мнихес устлала воображение ему звоном пробужденной плоти. Мунька Шейгец, носивший галифе с красными кантами на синем поле, выстукивавший сапогами совсем по-военному, был счастливее Менаше.

Но один из менашиных дней пал на утро его жизни светлой звездой, и проникновенная ласка Мани Мнихес досталась ему на долю. Это случилось так: однажды Менаше полулежал на ветхом насте местечковой синагоги; он читал умную книгу Ленина; и хорошие слова из нее аккуратно выписывал на клочок серой оберточной бумаги. Июньская теплынь ему раздирала лицо, необычный восторг свой он разнес по мешкастому лицу, и улыбка тлела у него на губах от шопота вычитываемых слов. Вдруг тенью пробежала по улице женщина с тонкими ногами, как тень, пробежала женщина с короткопалыми руками, зыбко качавшимися в страхе; она скулила с тонким надломом в голосе, и сейчас же за нею истошный переклик голосов поплыл в предвечерье, опущенное в прозрачные сумерки. Менаше потерянно осмотрелся по сторонам и безбородое лицо свое напуганно оторвал от книги. Оказалось, на большой дороге из местечка Шполы убили пять евреев; обожженные дыханием мертвых уст лежали они в чистом поле, а привезти их в местечко возможности не было, потому что возле Шполы лиховела на разморенных лошадях банда Злынько — и кому хотелось подпасть под их самогонный посмех, исступленный и пахнущий смертью? Еврейское кладбище с пожовклой проседью на обомшалых заборах ждало почтенных евреев местечка: Бени Айзера, Шлемы Брен и Зуриха из Чернячки.

Они превзошли замысловатые науки: Маймонида и Раше[1] и к тому же были они отменно набожными людьми. Там, на кладбище, с кривыми отложьями дорожек, деревья с мелколистными верхами опевали тишину зелеными губами, — пыльная тишина качалась на выступах каменных памятников. Тогда пошли просить поехать в Шполу за мертвецами отставного солдата Гриньку, обещали ему всякую живность: корову и много денег. Гринька, отставной солдат с медной медалью на груди, в прищурку сдвинул

---

[1] Маймонид — еврейский философ. Раше — часть талмуда.

оловянные глаза; он скользнул ими по толпе и мелким говорком продыхнул срывом:

„На каку стати я поеду, скажи пожалуйста, как же обсказывай, чтоб убили,— не мово это отца дело".

Гринька стукнул щеколдой калитки; показал острокостную спину, спускаясь по зеленому широкому двору, заросшему густорослью крапивной, поблеклой.

Надчесывая спину, вдогонку Гриньке кричал Менаше: „воспитанник царского правительства". Димка, синагогальный служка, сломляясь в пояснице и надтруживая до боли грудь, усовещевал Менешу:

— Умник, у них горит огонь до нашего брата, и он тушит его керосином, какой умник.—Димка закружил головой, раскинул броско руки, а вверху над головой его расплескивалась солнечная плавь, настоенная на слегка подсиненном небе. Тогда деланно строго всей толпе сказал Менаше Шрам:

— Пойдемте до школы,—я имею к вам слово—бурая шапочка сползла ему на лоб, усыпанный прыщеватыми блестками, и шатающимся износом подрагивали его худые колени.

Стоял шум в синагоге гулливый; Менаше взошел на деревянный помост, прохваченный бархатными завитками и три раза пристукнул провлажненной ладонью по столу. Темная рябь пробежала перед ним, как кривая тень по широкой стене, но он все еще говорил с легкой прихрипью в голосе. Долго местечковое население будет помнить его слова в тот незабвенный день.

— Их убили бандиты, но мы им скрутим голову и дадим в руки.—Так кончил свое слово Менаше из Каныбылод — сын нашего местечкового водовоза Еселе Дрянь. У восточной стены шаткий и безличный стоял Менаше. Отчаяние у всех легло на отвислые губы. Но только один Бенцион Парх подошел к Менаше, стал смущенно теребить его за пуговицу отрепанной шинели, а потом обнявшись, с ленцой они вышли на улицу. Небо стало над ними перинной надбивкой со звездными стежками. Звезды мрели над ними также серебряными подвесками, а когда пришла прохладная ночь, они разошлись по домам.

В ту ночь Менаше сон не удался; он расхаживал по тряскому полу, а когда рассвело, он в утреннем свету приметил возле своего окна пару лошадей с разопрелыми боками. На трухлявой телеге стоял Бенцион Парх; он поманил Менаше и безвольно дал Менаше условленный знак, разрезав воздух большим кнутовищем. Менаше вышел к нему навстречу, и желклая телега побежала по наслеженному годами пути в Шполу.

Утро пришло с приплачками, утро темное и плоское, — опохмеленные ночью вязкой местечковые евреи виновато качали клочковатыми пейсами; щеки отлежали у них от бессонья, щеки были с яминами; по кривому скату,—зеленому отложью, шли понуро в синагогу к утренней молитве. А мужики из прилегающих деревень, съезжавшиеся на базар, встречали их хитрецой и глазами, иззолочеными самогонным дыхом. У тех, кто шел к молитве, сердца гноились пустошью, и по сердцу шла тоска, они смотрели в небо, бровями выхмуривали боль—бровями густыми, цвета залежавшихся лоскутьев. С ними шел наш водовоз Еселе Дрянь, узкий в лице и с обветренной головой.

— Какой чорт вы молчите себе в руку,— спросил его Димка с прозеленевшими губами, — куда уехал сегодня ваш Менаше?

— Что вы пристаете, старый аферист? вы на нашем несчастии хотите промышлять себе хлеб? чтоб вы сгорели. Куда он уехал? Он поехал взять свою жизнь,— сказал Еселе Дрянь и волосатой рукой рассек воздух, как будто кнутом выхлестывал зад своей лошади, с прядающими ушами.

Вечером в местечко въехала телега; с разбитыми скулами, отлетом на ней лежали четыре трупа. В развалку, с криками за телегой бежала толпа. Окоротив лошадей у синагоги, Менаше опустился на землю,—чуть заулыбался редкозубым ртом. Испуг и удивление разрезал устоявшуюся тишину; тогда Менаше с синими кусками крови на протомленных ладонях стал распрягать заезженных лошадей. Синих мертвецов бережно снимали с телеги; детородные места были рассечены у них на двое, и Димка тщился,

выбиваясь из сил, прикрыть их рыжими простынями. Менаше был справедливо забыт, он пронзительно щурил изрезанные болью глаза и, собрав под собою ноги на ворохе загнивающего щебня, пел Змирес с тонинкой в треснутом голосе.

— Ай!.. вскрикнула Маня Мнихес,—где мой Нухим? Его тоже резали, а вот же его нет, а только есть одна шапка.

Она ломала пальцы, и на прокушенных ее губах выступили розовые подтеки. Бандит Злынько за ее красоту когда-то пощадил ее отца, она же пряталась от Злыньки по пыльным чердакам; и вот теперь убили ее брата единственного, хорошего шорника, Нухима.

— Маня, — жарким голосом сказал Менаше, лицом снежно белым и запавшими глазами, заигравшими льдистыми иглами,—я не мог привезти вам Нухима, я его искал в поле, меня могли поймать бандиты, но я его привезу, чтобы вы знали, — и кончено.

Менаше отвернулся, плечи его истекали в темноту, тогда нагнала его Маня Мнихес и, положив на его вихлястое плечо свою точеную руку, тихо заплакала. Глаза у Менаше стрельнули пьяной рябью; этот случай затеплил его надеждой. С этой надеждой он долго бродил у реки, фиолетовой от заводи мутной, у реки, где потом он нашел свою смерть; а утром он снова уехал в Шполу на заповедной телеге, неторопно скрывавшуюся в развиднявшиеся потемки.

Малиновым пологом небо очертило край реки: у реки шумели лягушки. С сонной вялостью под глазами, темный с лица и бледный, к синагоге подъехал Менаше Шрам. По темноте на телеге протянулся Нухим с перебитым переносьем. Менаше холодил озноб: две ночи и два дня обгорали мозги его болью. В чем он был виноват? Шаткий на кривых ногах, шел он к дому, и надчесанный чирьями затылок его отсвечивал теплой кровью. Его встретил Иойне, сын местечкового богача нашего, первого кожевенника во всей округе, — Гедали Заславский.

Иойне очень много вычитал за свою жизнь—за это Менаше его очень уважал.

— Иуда из Кариота, — сказал ему Иойна,—Иуда предал Христа, а ты свою честь за красивое тело, ты захотел превзойти всех нас благородством. Будь известно тебе, Маня знает Муньку. И как Мария из Магдалы, так Маня убита большим горем: ей нужен настоящий Христос, а не сопляк.

Тонким распевом затянул Менаше один куплет из Змирес[1]; один куплет, и глаза его заиграли вступление в черную злобу.

— Тоска по Мане на душе твоей ляжет чирьями, и ты пропадешь, мой дорогой братишек, потому что за любовь не платят жизнью. Мунька умней тебя, слюнтяй, он имеет себе хорошие галифе, и он себе поет хорошие песни.

— Взаправду, — вставил Менаше, потрескавшиеся губы его вскрыли улыбку за бледными деснами.

— Да, ты хочешь ее грудь свежую, как сдобная хала, ее спелые губы хочешь ты, — продолжал Иойне, скрадывая знобкую дрожь в своем голосе.

Слова его навеяли на Менашу дыхание любимых снов; он это узнал по вздрогшим коленам Менаше, перетянутых мешочной парой.

— Эпикурник, может быть, ты хочешь узнать голое тело женщины? Так об чем толк; у Шнейвы ты можешь купить этих прелестей. А еще думает об ячейке, сто чертив твою матери.

— Вонючка, убей тебя одноглазый бог, — крикнул Менаше, и бельма его глаз посыпали голубые искры.

— О чем ты говоришь, серый скот, нас режут почем зря, и мы не можем сказать за себя пару пустяков. Я еду себе на погибель, а ты меня равняешь с грязью; чтоб я так видел, с божьей помощью, прыщ на твоем слюнтявом языке, как ты еще увидишь ячейку с божьей помощью; и мы еще выкрутим вам ножки и вставим спичку. Дорогой товарищ, адью.

Менаше ушел с мыслью о партии, об ячейке РКП. Дома его ждали отец Еселя Дрянь и сны на стародедовской перине. А через несколько дней, когда на-перекор всем бедствиям, глупоглазые девушки за полночь у подзаборников водили любовные шашни: они дарили

---

[1] Змирес — религиозные песнопения.

юношей восторгом вечно юной тайны,— кровь ударила Менаше в голову.

Тени уже запрыгали по зеленому взгорью реки, когда Менаше подошел к окну Мани Мнихес, ладонью провел по стеклу и припал к нему прохладным лицом. Маня вышла к нему, ее лицо горело румянцем, и тронутый удивлением Менаше следил за перебоем ее шагов.

Он говорил ей младенческим шепотом, он взял ее губы, и небо закачалось над ним взбитой подушкой на брачном ложе. А в это время от Шнейвы пропащей возвращался Мунька Шейгец; он увидел над собой в облачной тине прыгающую луну и еще кое-что.

Тогда он опустил руки на галифе с раструбами и вынул папиросу из портсигара, начищенного песком, — проглотил папиросу, как в цирке фокусник бумажную змею.

Сгибая свой круг, луна уходила за облачные заслоны; ободняло окрест, и уже пели петухи. Лебединой ступью шла к дому своего отца Маня Мнихес. Мунька Шейгец, весь в папиросном дыму, захотел вспугнуть тишину и, сломляясь к земле, он начал низнуть к ней сторожко и очень тихо. Вороненная сталь ослизла в его потной ладони, и из горячего дула прожилками синего огня взрывно взлетела пуля. Пуля с всклекотом ударила Менаше в самое сердце, и в последний раз сын Еселя Дрянь мутными глазами обвел небо и землю в предрассветной стуже.

По местечку ходил слух: Менашу, от ревности к Мане, убил бандит Злынько.

Хоронили Менашу с большим почетом; рядом с раввином нашим. И путь последний его был устлан славой: любовника, героя и смельчака.

Над свеже взрытой могилой Бенцион Парх, сиявший отраженной менашиной славой, кощунственно обнажил голову и пропел почившему товарищу Интернационал; он пропел Интернационал, непоколеблемо застыв немигающими веками. А рядом с ним Мунька Шейгец вытянулся во фронт, как молодой солдат на учении, приставив руку к измызганному козырьку. Страх и недоумение перетянул толпу гневом.

— Над могилой раввина, без шапки, петь песни, когда еще не остыла молитва кантора! Чтоб вы сгорели.— И только Иоселе Дрянь, старый водовоз и старый отец, безвольно внимая Интернационалу, что-то понял: он, мешкастый в лице и сутулый в плечах, по-своему понял, очень ясно и очень больно, что Менаше Шрам был первый пионер ячейки РКП в нашем местечке Каныбылод и что от своей неудачи погиб он с заповедной болью в надорванном сердце. Он это понял и, утвердившись над зевом расколотой земли, страшно одинокий средь густой толпы, первый бросил в могилу осклизлый ком черной земли. Он учуял правду и новые дни над оборванной нитью родной жизни — сына своего и героя Менаше Шрам.

Крыса

Рассказ ПЬЕРА МИЛЯ. Пер. Е. ОВСЯННИКОВОЙ

Есть люди, которые говорят, что алкоголики никогда не чувствуют голода. Это верно лишь по отношению к старикам. Но далеко не тоже самое бывает с человеком, когда он молод, когда ему не исполнилось еще двадцать лет, как это было с Патси О'Нейлем, плетущимся в данную минуту в Уайтчепеле по Торговой улице. Если человек в этом возрасте неделями ест только тартинки с горьким маслом и запивает их скверным кирпичным чаем, если он изредка добавляет к этому сосиску из хлебных крошек, пропитанных ослиной или лошадиной кровью, то этим достаточно набивается его желудок и человек думает, что он насытился и привыкает к такому режиму. А затем, если ему иногда удается получить работу в доках по нагрузке угля на какое-нибудь судно и он зарабатывает от пяти до шести шиллингов в день, то он уже не меняет своего режима. Он только пополняет его пивом и виски.

Это придает нужную силу, человеку повезло и, вдобавок, он весел и развлекается, пока длится работа. При таком образе жизни у человека и усы еще не успевают отрасти, как следует, и он уже похож на старичка или, если угодно, на китайца с глазами забавно сузившимися и вытянувшимися по направлению к вискам, с выступающими из-под кожи скулами. Человек становится очень раздражительным, и нервы у него натянуты, как струны на скрипке. Однако, мускулы все же развиваются и на руках, и на спине. Хорошая машина человек! Ее пускают в ход, напичкав чем угодно!

Но когда нет работы, когда нет нужного шиллинга, чтобы переночевать в ночлежке, пить чай, за пол-пенни чашка, есть тартинки с горьким маслом или сосиски из хлебных крошек, пропитанных ослиной или лошадиной кровью, и, когда, шатаясь по докам, встречаешь какого-нибудь pal'я (я хочу сказать приятеля-собутыльника) и он иной раз подносит вам стаканчик, кстати заметили ли вы, что вам всегда предлагают выпить, но никогда не предложат поесть. Предлагать поесть считается у бесдомных бродяг неделикатным,— тогда-то начинаешь механически ощущать голод, потому что желудок пуст, и человек приходит в исступление.

Патси, проведший ночь на какой-либо скамейке, обернув ноги старыми газетами, чтобы не было так холодно, не ел в продолжение 36 часов и выпил несколько стаканчиков. Ему хотелось кусаться и царапаться и он был в настроении кошки, посаженной в бочку, т.-е. попросту в бешенстве!

С наступлением ночи он опять прошел вниз по Торговой улице. На всем протяжении пути на мостовой попадались небольшие двухколесные тележки, полные всякой снеди, освещаемые нефтяными рожками, без стекла и колпака, похожими на факелы или паяльные лампочки, сошедшие с ума,— дикая и волшебная иллюминация. Там были бананы, пирожки, жареные на сале, но обоняние Патси особенно раздражал запах жареных plaices (камбал) — за четыре су целая камбала, вываленная в муке и кипящая в масле! Странное дело, у Патси О'Нейля ни разу не зародилась мысль своровать что-нибудь—какую-либо снедь или иной предмет, пригодный для обмена на пищу. И это зависело вовсе не от его честности, а от того, что он был в положении константинопольских собак, которые издыхают от голода перед стойкой мясника, но ничего с нее не стянут. Ведь подыхать с голода — длительный процесс, и они надеются еще найти какую-нибудь кость на земле, ну а если бы они попыталися стащить какой-нибудь кусок, на них набросилась бы сотня людей, и смерть наступила бы немедленно. Таково происхождение их добродетели, старая собака своим примером научает молодых, и в настоящее время их порода уже больше не умничает, она знает по горькому опыту предков, что этого нельзя делать. Основа добродетели Патси была та же самая. А ведь он был в исступлении от голода!

Поэтому-то можно судить о священной силе социальных запретов, особенно в Англии, где люди будучи жестокими, создали и законы по своему образу!

И чем сильнее Патси, терзаемый голодом и хмелея все больше и больше, чувствовал слабость в ногах, тем сильнее он свирепел.

Около Жаворонковой улицы, маленькой и почти черной, так как по контрасту с ярко-сияющими электрическими фонарями Торговой улицы ее единственный газовый рожок походил на светящегося червячка, Патси увидел спешащих людей. На Жаворонковой улице находится кабачок „Красный Лев", в котором, без сомнения, при попустительстве полиции происходят иногда состязания в боксе. Когда видишь, как избивают кого-нибудь, всегда развлечешься, и Патси вошел в кабак.

Он очень удивился, не найдя там ожидаемого зрелища. Никаких признаков площадки окруженной веревкой, ни помощников с губкой и бутылкой воды, ни арбитра в сюртуке и в цилиндре. В задней комнате все сгрудились вокруг небольшого стола, который был целиком занят деревянным ящиком с решетчатой крышкой. Этот прямоугольный ящик, длиной приблизительно в 50 сантиметров и вдвое меньше в вышину, имел на одной из коротких сторон круглую дырку, шириною в человеческую голову, в это время дыра была закрыта проволочной дверцой. Стенка ящика против этой дыры была вся решетчатая. Внутри его безостановочно вертелась крыса, одна из тех здоровенных рыжих норвежских крыс, которые в огромном числе попадаются на морских судах.

Кабатчик провозгласил.

— Вот условия: надо убить крысу зубами, просунув голову в эту дыру. Двигать головой вперед можно, сколько угодно, но высовывать ее обратно можно только до ушей. Крыса делает все, что ей угодно. Но если она забьется в противоположный конец ящика и не пожелает нападать, то те, кто держат за нее пари, имеют право колоть ее этими спицами, но с условием не попасть в лицо человеку. Если же человека уколят, то крыса выходит из строя и считается проигравшей. А суть игры в том, чтобы человек задавил крысу, или признал бы себя побежденным.

Ну кто берется?

- Wall,—резко спросил Патси,—а каковы stakes? Каковы ставки?

— Полкроны, если ты задавишь крысу. Ничего, если ты ее выпустишь живой. Охотники могут биться об заклад. Согласен на это?

Полкроны составляет два с половиной шиллинга. На эту сумму можно кормиться в течение двух дней.

— Идет,—сказал Патси.

Он снял свою ветхую куртку, купленную у старьевщика в еврейском рынке, и свернул ее, словно предмет роскоши. Тут ему стало стыдно, потому что он

заметил, словно он видел ее в первый раз, что она совсем позеленела на спине. Но когда открыли дыру он смело просунул голову.

Крыса в удивлении сделала прыжок назад и забилась вглубь ящика. Однако, она злобно свистела тем особенным свистом, который напоминает свист змей и скрежет рассерженных обезьян. К тому же, конечно, она была голодна, как и Патси! Кабатчик кольнул ее спицей в крестец и она скакнула на человеческое лицо, находящееся перед ней! Патси хотел схватить ее, было слышно, как щелкнули его зубы по коже животного. Крыса выскользнула, словно резиновая. Она освободилась!

Патси понял, что животное находится теперь в ящике с его стороны, совсем около его щеки. Но крысы ему не было видно. И ему было страшно, страшно, страшно! Но однако, нельзя было вытягивать голову из ящика дальше ушей! Он осторожно повернул ее налево, и когда он стал различать два маленьких черных горящих от ярости глаза, он вдруг почувствовал, как большие иглы вонзились ему в губу. Крыса вцепилась ему в самый рот и не отпускала. Патси взвыл.

Двести пылающих глаз склонилось к ящику. Кто-то сказал.

— Ставлю пол гинеи против трех за крысу.

— Держу!—сказал чей-то голос. — Человек хорош.

И эта похвала вернула мужество Патси. А если бы он мог взглянуть в лицо тому, кто произнес эти слова, это еще больше ободрило бы его. Но он этого не мог сделать и в его теле все еще сидели зубы вцепившиеся, как рыболовные крючки. Однако, надо было соблюдать правила игры, он положил руки на затылок, чтобы хорошенько определить, где его уши.

— Ставлю гинею против четырех за крысу!—крикнул какой-то игрок.

И никто на этот раз не принял вызова. Патси выругался, он уже больше не чувствовал боли от возмущенья, что все его покинули. Потихоньку он опустил шею и всей тяжестью своего черепа надавил на крысу. Тяжела человеческая голова! Кости животного затрещали и его зубы неожиданно разжались! Ура!

Крыса снова спаслась в глубь ящика. Тот, кто держал пари за нее, уколол ее в зад. Крыса сделала скачек на месте но не двинулась вперед.

Ставки за и против сравнялись. Патси отхаркивая кровь, продвинул вперед голову, насколько мог. Крыса собралась с силами, готовясь к прыжку, и тогда Патси хитря стал втягивать шею. Крыса сделала прыжок. Но человек умудренный всей предшествовавшей борьбой, поднял голову, и когда крыса снизу вцепилась зубами в его нос, он прижал ее изо всей силы правой щекой ко дну ящика и крепко ее давил. Были видны только дрыгающие лапки животного, Патси медленно раздавливал крысу.

— Это неправильно! сказал человек державший пари за крысу. Он должен ее убить зубами.

Но другие были противного мнения. Патси услышал пререкания над ящиком, „Чего еще? Если он задавит крысу, ему, пожалуй, откажутся дать его полкроны! Э, нет!“ Он выпустил крысу, и она сделала движение, желая спастись... Послышался звук захлопывающейся челюсти, хряст костей, кожи, мяса, которые жуют, мнут, расширяют. На этот раз дело было кончено. Патси схватил крысу поперек туловища и давил ее, давил, давил! Он задыхался в этом ящике, где мог дышать только носом, но все продолжал давить, почти в бесчувствии от жары волнения и отвращения.

Тут он почувствовал, как его легонько хлопнули по плечу.

„You're the winner, man, the brutes dead!“

(Вы выиграли, сказали ему, животное подохло).

Он выпустил добычу и вытащил голову из дыры. У него текла кровь из шести ранок, двух на носу, двух во рту и двух на верхней губе. Его усадили на стул и наспех обмыли губкой. Он улыбался под впечатлением славы, глаза его были бессмысленны. Человек, державший пари за его успех, предложил ему стаканчик виски и он его выпил. Кабатчик вручил ему монету в полкроны, которую он запрятал в карман, под носовой платок.

И вдруг в нем пробудилась его ирландская гордость, сознание, что он в долгу. Кто-то заплатил за его стакан, а он еще не отплатил за угощение! Он заказал два новых стакана виски и заплатил за них шесть пенсов. Но его приятель возобновил угощение...

В полночь мимо кабака прошел полисмен слишком демонстративно. Нужно было закрывать. Кабатчик выпроводил всех клиентов на улицу. Патси вышел вместе со всеми. Он сильно шатался. В самом темном углу Жаворонковой улицы он остановился, рыгнул и его три раза стошнило. Затем он пошарил в своем кармане и нашел его совершенно пустым, все, что он выиграл в этом сражении, он пропил из гордости.

И тут только он вспомнил, что еще ничего не ел.

ВИССАРИОН САЯНОВ

КАРАГАЙЛЫ—АЯТ

Изредка крик ястребиный,
Путники проговорят,
Течет по крутой ложбине
Карагайлы — Аят.

В мелководье
Голубее разливы дня.
Всадник! Туже поводья,
Вздерни морду коня.

Там за рекой, аулы
Крутым табуном встают.
Девушки широкоскулые
Степные песни поют.

Трава там свежей и легче,
Там кочует орда,
Ветер широкоплечий,
Запыхавшись, бежит туда.

Ветер веселый, ну-ка,
Встань на пути моём,
Крепкую руку в руку,
Вместе бродить пойдем.

Помнишь, шатались вместе
По камышам тайком,
Пока в суету предместий
Не бросил меня губком.

Не забуду конского скока
И тропинки по лебеде,
Но сегодня ветер с востока
Поет о другой страде.

На речке Невестнице

И. СОКОЛОВА—МИКИТОВА

Лесовое

Зима нынче шла грубая, шла - дергалась, как старая кляча. Извела и людей и скотину. Много раз выпадал зазимок, насыпал сугробы. Торили люди санный путь, радовались зиме. И опять падал дождь, смывал снега, подымались по вешнему реки — и голыми лежали под небом поля.

Снег лег нежданно: повеяло метелецей, секануло морозами, скрепило землю и понесло.

Настрочили по пороше лисы и зайцы, прошли мимо овинов волки, след в след, повернули на Найденов луг.

И по первой белой пороше охотники Тит, Аникон и Васька вышли в лес обходить беляков - зайцев.

В лесу с еловых веток шелестя падает о земь снежная навись. Качаются на лиловых шишках синички. Тит, Аникон и Васька остановились и натянув носы, по-волчьему понюхали воздух.

— Дымком! — сказал Васька.

— Дымком! — ответил Тит.

— Завернем! — решили все вместе.

Сошли с дороги, осыпая навись с деревьев и, как волки, по нюху, след в след, пошли через колодье. На опушке в елках, добела ободранных топором, потрескивал огонек, стояли лисички. Над огоньком два чугунка, окаренок и два корытца со снегом и водою. Из корытец по трубке, точно березовик с лотка, бежала по суровой нитке „живая водица".

— С первачом! — говорит, скаля зубы Васька парню — как идет дело?

— Дело идет! — отвечает весело парень, поднимаясь и обтирая о полу руку, — отдохните.

И тут ненарушимый закон гостеприимства: так по всем лесам на горький дымок сходятся люди.

— Откушайте моего, — говорит парень и берет жестяную кружку, споласкивает в корытце и, нацедив из мутной бутылки, подносит по очереди всем, по полукружке. Самогон пахнет горько, болотом и гарью.

Выпив, садятся у огонька на лисички, свертывают из табака самосева цыгарки.

— Летось дядя Хотей дочку отдавал, — говорит Аникон, закуривая от головешки, — клал в самогон сахарину, очень даже приятно.

— Можно обтравиться, — замечает Тит, — если много выпить этого сахарину. Дьякон пустошкинский так-то на участках пил, пил, покуль дух вон. Мертвый и на двор приехал.

Под каждым „аппаратом" поставлен столбик-чурак. На столбиках бутылки. По нитке из холодильника трубки каплет в бутылки слеза за слезою...

— Что слышно нового, дядя Тит? — спрашивает парень, поправляя под чугуном.

— Наше новое, — говорит Тит, — бабка на дедку, дедка на бабку, вот и весь конец.

— Уголь возили?

— Возили уголь! Наши на станцыи слышали: в некакой губернии пал, говорит, с небу агромадный камень, полуезда прикрыл, а теперича горит вся губерня, народ кто куды. Чего зубы скалишь? Очень даже возможно.

— Чего не возможно!—отвечает смешливый парень Васька.

Слеза за слезою каплет в бутылки живая водица. Парень сменяет в корытцах согретую воду, подмазывает глиною чугунки. Лес стоит молча, кроет и зверя и человека. По лесу пахнет гарью и елкой.

— Перед самою этою штурмой шел заяц русак,—говорит длинный Аникон,— а нынче опять пошел беляк. У стариков такая предмета: как пойдет беляк — к капиталистам!

— Да-а, — вспоминает Тит, глядя на лупленые елки, — покойничка Иван Никитича теперь бы на лесок взглянуть.

— Поредел лесок.

— Да - а, — опять говорит Тит, — наш вот наезжал, сам видел.

— Барин?

— Только зашел я за угол, сел до ветру, — господи боже ж, — из - за угла: тр-р-р!.. Самый как есть он. И жеребец вороной, желваки перекатываются. Я и портки подхватить не поспел. — Тр-р-р!.., „Тит, ты?“ „Я, я,—говорю,— а не вы ли к нам Ляксандра Семеныч, будете?“ Гляжу, под кудластым воротником зубы блестят: самый он!

— Ну?

— „Вались, говорит, в сани,—не стоит мой жеребец!“ Ну и пахнули мы за деревню, аж залепило глаза. Прикатился он этак плечом: — „а ну, как мой лесок?“ И глазом. — „Что ж лесок, погубили лесок!“—говорю.—„А сучья?“ — Сучья? Сожгли, говорю, сучья. — „Эх, зря, говорит, нужны будут: вашего брата пороть!..“

— Ишь куды гнет,—замечает Васька,— держи карман!

— Да-а... „Это я смеюсь, говорит, не робей, Тит!“ „Чего робеть, да вы сами откедова к нам?“ — „А я теперь, говорит, занимаю службу, большими делами кручу, — похлебал, говорит, и я голых щец, а теперь будя, теперь, говорит, я в - во!“ Шуба у его богатющая нараспах, снегом всего закидало: в передок—та-та-та... та-та-та... „Что же, спрашиваю, на долго ль к нам?“ Смеется. — „Долго, говорит, не пробуду.“

— Раздобрел, стерьва,—говорит Аникон.

— О чем же ты с ним?—спрашивает Васька.

— „А не слыхать ли, спрашиваю, у вас, Ляксандра Семеныч, не будет ли сбавки с продналогу?“ А он как гаркнет: „возить, говорит, вам не перевозить!“ да как захохочет, аж дыбком волос.—„Прощай, говорит, до свиданья, оставайся здравым!“ Глянул я округ,— как есть один, на самой на дороге, в одной рубахе и шапка на снегу...

— Вроде, значит, как придвиденье?

— Придвиденье не предвиденье, — говорит Тит, — а вроде как бы и так.

— Бывает,—замечает от огня парень,— у нас летось в Брузовом бору барина Пенского видели: сидит на бревне, картуз в руках, и пни считает.

— Да-а, — говорит Тит, — ихний брат словно лиса,—сама то в норе, а оттудова хвост торчит.—Ну, спасибо за угощенье. Докурили.

Подымаются Тит, Аникон и Васька, подают парню руки, поправляют сумки и идут в лес по лесной тесной тропке, где ночью по свежей пороше прошли три волка, след в след. Идут по лесу: впереди Тит, посреди Васька и сзади длинный Аникон.

Падает с деревьев снежная навись: то на елку взвершилась от людей белка.

Особняки

Тяга из общинного мира на хутора, на особняки распространялась центробежно: от городов вглубь деревни. Ближние к городу деревни по местности нашей давно живут в россыпь и земля по особнякам обогрета. В наших, глухих и лесовых местах, как будто еще держится старинный „мир“, но с каждым годом слышнее голоса выходцев. Спор особняков с миром наибольшую остроту приобретает к весне, ко времени взмета. Зиму спор шел с перебоями: одни наседали, другие отнекивались и только к весне, к теплым ветрам, вопрос стал

на ребро. И тихий спор превратился в галдеж и потасовку. И миру пришлось уступить настойчивости голосов. Весной, своими силами, сами—за отсутствием землемера — с веревкой прошли межу и сами разбили участки. Оформление будет потом. А пока пашут — дерут мох и землицу.

Помню:

Весной прохожу полевой тропинкой и слушаю жаворонков. По одной стороне поля и по другой шумят две кучки мужиков. У всех в руках, белеющие струганым, небольшие колки. Богатого можно признать по количеству этих колков, предназначенных на отметку нив. У двоих — в одной и другой кучке—в руках длинные палки, размеченные на четверти.

— Ивану Осипову две сажени и три четверти! — кричит с того конца голос, перебиваемый ветром.

— Две сажени и три четверти! — отвечает голось на этой стороне и палка два раза поднимается над головами и ложится в третий. Бородатый и широкий мужик, наклонившись над проведенной по земле чертой, обухом вбивает в еще не отошедшую землю белый обструганный колышек.

— Гришке Косому!—доносится голос.

— Гришке Косому! — отвечают на другой стороне. И обе кучки молчаливо, освещенные солнцем, шаг за шагом передвигаются краями отогревшегося поля.

— Лисею...

Видно, что на другой стороне происходит заминка, длинная палка, не успев опуститься, опять поднимается над мужиками. От кучки отделяется человек и бежит через поле, почему - то без шапки.

Это Елисей Копарзов, уже второй год добивающийся у мира отпуска на особняк. Всю зиму он уговаривал деревню, сулил угощенье, но каждый раз останавливалось дело за малым: то угощенье оказывалось не в руку, то перебивал враг. Теперь оставалась секунда на то, чтобы вбить колик, а это значило бы, что Елисей остается в общине, на прежнем месте: разумеется не пойдут ради него вновь переделять поле. И боясь последней секунды Елисей бежит через поле, скинув перед миром шапку, его лицо потно и взволновано, глаза ищут сочувствия. Мужики поджидают его спокойно, молчаливо, поглядывая на себе под ноги на черную землю. К ним переводя дух подбегает Елисей,—лицо его красно и потно, глаза ищут сочувствия.

— Ставлю еще полтора, — говорит он, задыхаясь. — Те согласны.

Молчат мужики, глядят в землю. Напрасно глаза Елисея ищут сочувствия.

— Ты брось молоть!—говорит черный кривой мужик, отрываясь от земли и трогаясь с места,—целую зиму брехались.

Высокая палка колеблется.

— Братцы, — умоляюще говорит Елисей,—войдите в мое положение: у меня все дело налажено к тому... Как же быть?

Палка одним концом упирается в землю и другим опускается.

— Ставлю три, — выдыхает из себя Елисей, — три ведра и угощение миру. Сейчас побегу.

Если бы ударил гром или провалилась земля у самых ног Елисея — он не отступил бы, не отстал, не отошел. Он рукавом вытирает пот с низкого упрямого лба, ветер треплет на его затылке упрямо поднявшийся клок серых волос. Влажные глаза его перебегают с лица на лицо.

Шест, поколебавшись в воздухе, останавливается неподвижно.

— Ай, согласны,—лепечет Елисей—ей богу сейчас и бегу.

— Бежи,—говорит позади чей-то голос.

— И сорвавшись с места, Елисей опять бежит по полю, теперь к деревне, ветер пузырем надувает на его спине голубую рубашку, от его сапог летит грязь.

— Ишь ты, — произносит чей-то голос, — как с чепи соскочил. Сколько в в ем етой желания...

И опять шаг за шагом движутся мужики по краям поля и ветер рвет голоса:

— Кузнецу Максиму полтора.

— Полтора... — перебивает ветер.

Над полем, над крышами овинов, над дальней рекою стоит весеннее солнце. Жаворонки вылетают из меж и столбом подымаются в небо по-весеннему бледное. Зелено горят на том берегу зеленя озимые. И под сапогами мужиков, под отживающими травами, дышет, булькает пузырями отживающая земля.

1905 год

От кровавого воскресенья к Совету Рабочих Депутатов.

„Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки — и масс, и вождей, и классов и партий — году «мирного», «конституционного» развития. Без „генеральной репетиции 1905 года победа октябрьской революции 1917 года была бы невозможна".

(Собр. Соч. Ленина, 1 изд. т. XVII, стр. 121.)

От событий 9 января до сентября 1905 г.

После Кровавого Воскресенья, когда навеки была убита вера в царизм, когда все громче и громче в разных углах Российской Империи подхватывался клич петербургских рабочих; — „нет бога и нет царя"; — Карл Каутский, теоретик германской социал-демократии, тогда еще не „ренегат" писал в „Искре"[1]: „страшная, полная жертв борьба предстоит народам российского царства в ближайшие недели, месяцы, — быть может, годы. Но не напрасны будут эти жертвы... И каков бы ни был ее исход, русский пролетариат выйдет из катастрофы ровесником европейского, быть может, его передовым борцом в великой международной борьбе против всякого господства и всякой эксплуатации. Его победа даст новые силы в борьбе пролетариям всех стран, она повсюду смутит и ослабит врагов пролетарского дела". Каутский в ту пору не даром считался лучшим теоретиком марксизма. Он оказался пророком. Русский пролетариат действительно оказался „передовым борцом в великой международной борьбе"... 9 января — зарница русской революции!

Влияние январских событий было громадно. Самые отсталые слои пролетариата проснулись, стали организовываться. Перечесть все стачки периода январь — апрель — не представляется возможным. В разных городах бастуют самые разнообразные профессии.

[1] № 85, от 27 янв. 1905 года.

Несмотря на свой экономический характер, стачки имеют большое политическое значение. Правительство вынуждено передвигать войска из одной местности в другую, оно стремится при помощи полиции подавить демонстрантов, а достигает обратных результатов. В самых глухих закоулках начинается „политика", растут, как грибы после дождя — разные подпольные революционные организации. Они выпускают проклимации в которых пишут, что „народ слишком долго терпел свои бедствия и теперь собирается восстать и потребовать правительство к ответу за ту каторгу, которую оно поддерживает для него вместо жизни". Действительно всем становится ясно, что самодержавные порядки существовать не могут, что перемены неизбежны и что к ним надо готовиться. Каждый класс это понимает и готовится по-своему. Крестьяне поднимаются на борьбу за землю; возникает „Крестьянский Союз". Либералы подают голос, но они же на писательском с'езде отказываются предоставить рабочим все общественные здания в день 1-го мая.

Рабочий класс, у которого нет домов для собраний, как у либералов — должен собираться на улице под открытым небом, и вместе с своей руководительницей социал-демократией провозглашает:

„Да здравствует сознательность рабочего класса!

„Да здравствует его особая Социал-Демократическая Рабочая Партия!"[1].

В прокламации Петербургского Комитета РС-ДРП ко дню 1-го мая читаем: „Итак, товарищи, выйти первого мая на улицу безоружными было бы безумно: выйти вооруженными — преждевременно. Но у нас все же есть способ достойно ознаменовать международный праздник пролетариата. Об'явим на первое мая всеобщую забастовку"...

[1] „1905 год. в Петербурге". Вып. 1 соц-дем. листовки. стр. 197. Ленгиз, 1925.

Кнуньяц-Радин
Представитель Центрального Комитета РС-ДРП и Исполнительного Комитета Совета Раб. Депут.

Забастовка, таким образом, ставится в порядок дня, та забастовка над которой так глумились во II Интернационале, говоря: „всеобщая стачка — всеобщая глупость!“

Рабочие социал-демократы фабрики Богданова пишут: „Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание, выбранное всем народом на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов!

„Вот клич, который будет носиться в воздухе 1-го мая, и мы с оружием в руках должны поддержать его! Добывайте же, товарищи, оружие!“ заканчивается воззвание [1].

Летом движение носило еще более массовый характер. Помимо стачек в разных городах, мы видим баррикады в Белостоке и Лодзи, волнения в Одессе, поддержанные с моря броненосцем „Князем Потемкиным“.

Рассказав о том, как матросы броненосца „Князь Потемкин Таврический“ открыто и смело стали на сторону рабочих — Петербургская группа РС-ДРП (меньшевистская)

[1] „1905 год в Петербурге“, стр. 221.

писала: „Солдаты! Наше государство — огромный броненосец. На нем насильничают чиновники царские, и стонет измученный народ. Спасение для нас одно: по примеру «Потемкина» выкинуть за борт всю правящую нами шайку и взять управление государством в свои собственые руки.

Мы сами направим ход родного броненосца, которому имя Россия!“ [1]. Так общая накаленная атмосфера и давление масс на короткое время революционизировали даже меньшевиков.

Революция надвигалась... В недрах замученного нищетой и бесправием народа вздымается новая огромная революционная волна, которая разорвет заржавевшие цепи самодержавия и освободит Россию для новой свободной жизни...

...Восстание народа — это лозунг революции, и призыв „жертвуйте на вооружение“ — один из революционных лозунгов настоящего момента. Жертвуйте же, граждане, на вооружение! Призывал большевистский Петербургский Комитет РС-ДРП [2].

Настроение наростало, борьба разгоралась. 9-го июля пролетариат Питера чествовал память жертв 9-го января забастовкой, в которой приняло участие до 60.000 человек.

Тоже происходило и в других городах, при чем происходили столкновения с казаками.

В Витебске казаки свирепо расправились с участниками митинга, были убитые и масса раненых.

Правительство во главе с Треповым, по принципу „разделяй и властвуй“, сыпля рублями и двугривенными патриотам из босяцкой команды — начало организовывать в начале июля черную сотню. Погромы прокатились по ряду городов.

Били еврейскую бедноту, потом гимназистов в Курске, Харькове, наконец в Нижнем-Новгороде, в связи с забастовкой 9-го июля до полусмерти избили много народу, а некоторых рабочих и интеллигентов избили до смерти.

Самодержавие защищалось. Оно готово было вступить в сделку с имущими кругами, передать ей частицу власти, обещало законосовещательную Думу, по фамилии автора проекта, получившей название булыгинской.

[1] „1905 год в Петербурге“. Вып. I соц-дем. листовки, стр. 254.
[2] Там же, стр. 263.

В этой Думе рабочие вовсе не получили представительства. Пролетариат под руководством большевиков требовал бойкота этой Думы.

Рабочие торжественно заявляли, что будут считать врагом народа всякого, кто примет участие в постыдной комедии выборов в булыгинскую Думу, положение о которой и избирательный закон были опубликованы 6 августа 1905 г. Лозунг бойкота выдвигался и эс-эрами; из революционных партий того времени, только меньшевики стояли за использование комедии выборов.

О Государственной думе Центральный Комитет РС-ДРП писал в сентябре 1905 года: „Путь революции ясен: через народное восстание к народному правлению. Царская Дума — засада на этом пути; уничтожим эту засаду. Мы будем собирать и объединять народныя силы для массового протеста, чтобы сорвать недостойную комедию выборов. Мы призываем всех честных граждан действовать в этом за одно с нами. Между старым порядком и революцией уже нет места ничему третьему. Кто не за революцию, тот против нее" [1].

В сентябре же съехалось студенчество и перед ним стал вопрос — продолжать ли забастовку в высших учебных заведениях?

Решено было открыть университеты для митингов. „И пусть наш открытый университет станет для самадержавного правительства еще более опасен, чем был для него опасен университет бастующий" [2].

Начались митинги. Каждый вечер толпы рабочих и служащих наполняли залы и аудитории высших учебных заведений. С трибун неслись призывы ораторов революционных партий, свободно производились сборы на оружие и беспрепятственно продавалась за столиками революционная литература всех партий.

Возникновение Петербургского Совета Рабочих Депутатов и манифест 17 октября.

В сгущенной атмосфере беспрерывных политических митингов почва для широкого массового движения была подготовлена. Когда в Питере стало известно о московской забастовке печатников, требовавших сокращения рабочего дня и повышения сдельной платы за 1.000 букв, не исключая и знаков препинания — наборщики петербургских типографий постановили объявить 3-дневную забастовку, в знак солидарности с московскими товарищами. Недаром позднее Троцкий писал: октябрьская стачка „возникшая из-за знаков препинания сбила с ног абсолютизм" [1].

Прокламация Петербургского Комитета РС-ДРП говорила: „Петербургские события показали, что мы не отстаем от наших московских товарищей в чувстве солидарности, в ненависти к правительству, в революционном настроении... но этот смотр наших сил обнаружил, товарищи, и слабыя наши стороны. Мы оказались недостаточно организованными под знаменем единой РС-ДР Партии; мы не достаточно единодушны и сплочены"... Призывая к организации, прокламация приглашала: „Организуйтесь же, товарищи, просвещайте малосознательных рабочих, вооружайтесь, устраивайте боевые дружины! Пусть каждое наше выступление будет все более могучим и организованным!.."

Вечером 6-го октября телеграмма из Москвы сообщала: „Забастовали машинисты на Московско-Казанской жел. дороге. С двух часов дня забастовали рабочие мастерских" той же дороги.

Центральное бюро железнодорожного союза решило объявить всеобщую забастовку. Это назначалась лишь „пробная мобилизация революции, а самый бой попрежнему откладывался до января. 7 октября было решительным днем. „Новое Время" писало: „начались спазмы сердца".

Железные дороги отмирали одна за другой.

С призывом „бастуйте, товарищи!" обращается Петербургский Комитет РС-ДРП заканчивая его так: „Бастуйте — это будет смотр нашей революционной армии! Недалек уж тот час, когда весь российский пролетариат выступит по призыву и под знаменем РС-ДРП"...[2].

Час решительного боя с самодержавием приближался.

Начавшись 6 октября с Московско-Казанской дороги, стачка начала уверенно хозяйничать в стране.

---

[1] „1905 год в Петербурге". Вып. I соц-дем. листовки, стр. 293.

[2] Из резолюции сходки студентов С.-Петербургского Университета. 13 сент. 1905 года.

[1] Троцкий — „1905 год" Изд. 1922 г., стр. 88.

[2] „1905 г. в Петербурге". Вып. I соц.-дем. листовки, стр. 309.

„Революционный инстинкт подсказал ей правильную тактику [1], — пишет Троцкий.—

„Она сперва подняла на ноги всю провинцию, забросала правящий Петербург тысячами перепуганных телеграмм, создала таким образом «психологический момент», терроризовала центральные власти и, затем явилась сама, чтобы нанести последний удар“.

Всероссийская забастовка началась. По железнодорожному свистку останавливалось все. Заводы, учреждения, прилавки, школы, суды. „Самодержавие было технически бессильно перед железнодорожной забастовкой — и это повергало его в панику“ [2].

В связи с забастовкой цены на продукты росли. Рента падала. Русские ценные бумаги никто не брал. Паника охватила биржевые круги. Николаю II до зарезу нужен был новый заем для того, чтобы оправиться после русско-японской войны. Недаром, „поправлять дело“ позвал он „человека с биржи“, графа С. Ю. Витте. Витте „поправил“ дело. Он написал манифест, который был подписан 17 октября.

А. А. Симановский
Организатор печатания Известия Совета Рабочих Депутатов.

Расчеты же на рабочих, что они пойдут по легальному пути, как указывал в. кн. Николаю Николаевичу крайний правый гапоновец Ушаков — не оправдались. У них появился руководитель и организатор в лице Совета Рабочих Депутатов. В сумерки октября 1905 года в одной из аудиторий Технологического Института родился Петербургский Совет 1905 г.

Он родился стихийно, „из народных глубин пролетариата, в буре революционной стихии“. Он вырос из стачки и выборных комитетов для руководства его.

Каждый завод и профессия выбирает депутатов по одному на каждые 500 человек.

Порядок выборов, устранявший либерально-буржуазные организации, лег ныне в основу нашей конституции СССР.

Первым председателем Совета был Зборовский (партийная кличка „Афанасий“ и „Никитин“), открывший заседание Совета 13 октября 1905 г.

На втором заседании, 14 октября, в председатели был выбран пом. прис. пов. Т. С. Носарь-Хрусталев, состоявший юрисконсультом в союзе рабочих печатного дела.

Кроме того, он был известен как адвокат по „увечным“ делам, по комиссии Шидловского и как председатель июньского митинга в зале Городской думы, где он заставил удалиться устроителя собрания черносотенца Л. М. Дезобри. Это был случайный человек, который впоследствии далеко отошел от рабочего дела, занимался темными делами и был расстрелян за выдачу большевиков белогвардейцам и организацию бандитских масс.

Забастовка под руководством Совета Рабочих Депутатов, продолжалась. Появилось об'явление губернатора Трепова—„не жалеть патронов!“

Сознавая, что народу нужны не царские указы, а оружие—Совет Раб. Деп. отправляет делегацию (14 человек) в петерб. город. думу. Совет Раб. Депутатов требовал: 1) немедленно принять меры для регулировки продовольствия; 2) отвести помещения для собраний; 3) прекратить всякое довольствие, отвод помещений, ассигновок на полицию, жандармерию и т. п.; 4) денег, необходимых для вооружения борющегося за народную свободу

---

[1] Троцкий — „1905 год“, стр. 94.

[2] М. Н. Покровский. — „Русская история в самом сжатом очерке“, ч. III, в. I, 1923, стр. 115.

петербургского пролетариата и студентов, перешедших на сторону пролетарита.

Нет ничего удивительного, что отцы города, в большинстве крупные домовладельцы — отказались от поддержки требований Совета.

Председатель думы Красовский предложил делегатам удалиться.

В это же время Петербургский Комитет (большевистский) и петербургская группа РС-ДР Партии (меньшевистская) решили, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий образовать федеративный объединенный совет для совместного руководства политическими выступлениями петербургского пролетариата. О чем и было заявлено в „Известиях Совета Рабочих Депутатов“ № 2. Мысль об издании „Известий“ была подана союзом рабочих печатного дела.

Но денег, необходимых для издания, не было. Рассчитывать на подписку было трудно, да и не хотелось. Оставался один путь: захват типографий на несколько часов, необходимых для работы. Очень часто захват был инсценировкой, с целью избавить владельца от полицейской ответственности. Печатание производили члены союза рабочих печатного дела с громадной энергией и находчивостью. Спрос на „Известия“ был исключительный.

И. Л. Голынский
Организатор печатания Известий Совета Рабочих Депутатов.

К манифесту 17 октября пролетариат и его партия относилась недоверчиво. В „Пролетарии“ № 24, 1905 г. В. И. Ленин писал в статье—„Первая победа революции“: ...„Мы имеем полное право торжествовать. Уступки царя есть действительно величайшая победа революции... День 17 октября останется в истории, как один из великих дней русской революции. Невиданная в мире всенародная стачка достигла своего апогея. Могучая рука пролетариата, поднявшаяся в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей... Царизм уже не в силах подавить революции. Революция еще не в силах раздавить царизм...

„...Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения...

„...Царизм еще далеко не капитулировал. Самодержавие далеко еще не пало. Революционному пролетариату предстоит еще ряд великих битв, первая победа поможет ему сплотить свои силы и завербовать себе новых союзников в борьбе“ [1].

Совет верно понял манифест 17 октября, „Известия“ № 2 (18/X) писали: „мы знаем лишь одно право—право нашей силы. Мы знаем, что народная свобода может быть воздвигнута не указами царской шайки, а на ее костях“ [2].

Комментарии на манифест 17 октября со стороны правительства не заставили себя долго ждать.

18 октября отряд кавалерии, под командой корнета Фролова, напал на манифестантов у Технологического института. В целом ряде городов прокатилась новая волна погромов.

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. VI, 1 изд., стр. 537.

[2] Ленингр. Истпарт. — „Известия Совета Рабочих Депутатов“. Ленгиз, 1925, стр. 11.

В прокламации после обнародования манифеста 17 октября Петербургский Комитет РС-ДР Партии говорил по поводу погромов: „Вон она, товарищи, царская конституция! Вот торжественно провозглашенная «свобода совести», вот обещанное Витте «равноправие всех перед законом, без различия национальности!»...

„... На нас, товарищи, лежит теперь новая обязанность: защищать мирных граждан от царских башибузуков и хулиганов. И защищая мирных граждан, вооружаясь и организуясь, мы будем готовиться, чтобы рука об руку с нашими братьями рабочими, поляками, евреями, кавказцами, финляндцами и другими, нанести последний удар старому, гнилому строю.

Долой царя и его конституцию!

Да здравствует революция и демократическая республика!

Да здравствует социализм!“

Совет в заседании 17 октября постановил: „забастовку продолжать“.

В заседании в ответ на акт 17 октября, продолжая попрежнему забастовку, Петербург. Совет потребовал реальных гарантий обещанных свобод, выставив требования: 1) немедленного удаления войск из города и выдачи оружия пролетариату, 2) полной амнистии по религиозным и политическим преступлениям, 3) отмены всяких чрезвычайных и усиленных положений и 4) немедленного созыва Учредит. собрания.

В провинции движение приостанавливалось, и, получая эти сведения, Петер. Совет вынужден был 19 октября постановить: „...прекратить 21 октября в 12 час. дня всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы, смотря по ходу событий, по первому же призыву Совета, возобновить ее для дальнейшей борьбы так же дружно, как и до сих пор, за наши, указанные выше требования“ [1].

В этом же постановлении предлагается рабочим печатного дела явочным порядком осуществить свободу печати. Они приступают к работе лишь при заявлении и проведении редакторами свободы печати. „Газеты, не подчинившиеся настоящему постановлению, будут конфискованы у газетчиков и уничтожены, типографии и машины будут попорчены, а рабочие, не подчинившиеся постановлению Совета Депутатов, будут бойкотированы“.

Забастовка была прекращена. Совет Раб. Депутатов сделался необычайно влиятельным. Для масс он был правительством, которому дисциплинированно подчинились рабочие, к которому потянулись уже и крестьянские ходоки. Формально Советы были беспартийны, но из общего числа (около 300 чел.) рабочих Питерского Совета, примерно, 90% являлись социал-демократами. Президиум и все другие органы Совета состояли из членов С-Д Партии. В Москве же с-д составляли чуть не 99% общего числа депутатов.

Советы Рабочих Депутатов — наглядный образчик завоеваний первой русской революции. Советы были: 1) органами власти восставших и творящих революцию масс, 2) это были действительно массовые организации, 3) в них мы видим попытку осуществления той диктатуры пролетариата, о которой все время говорил Ленин.

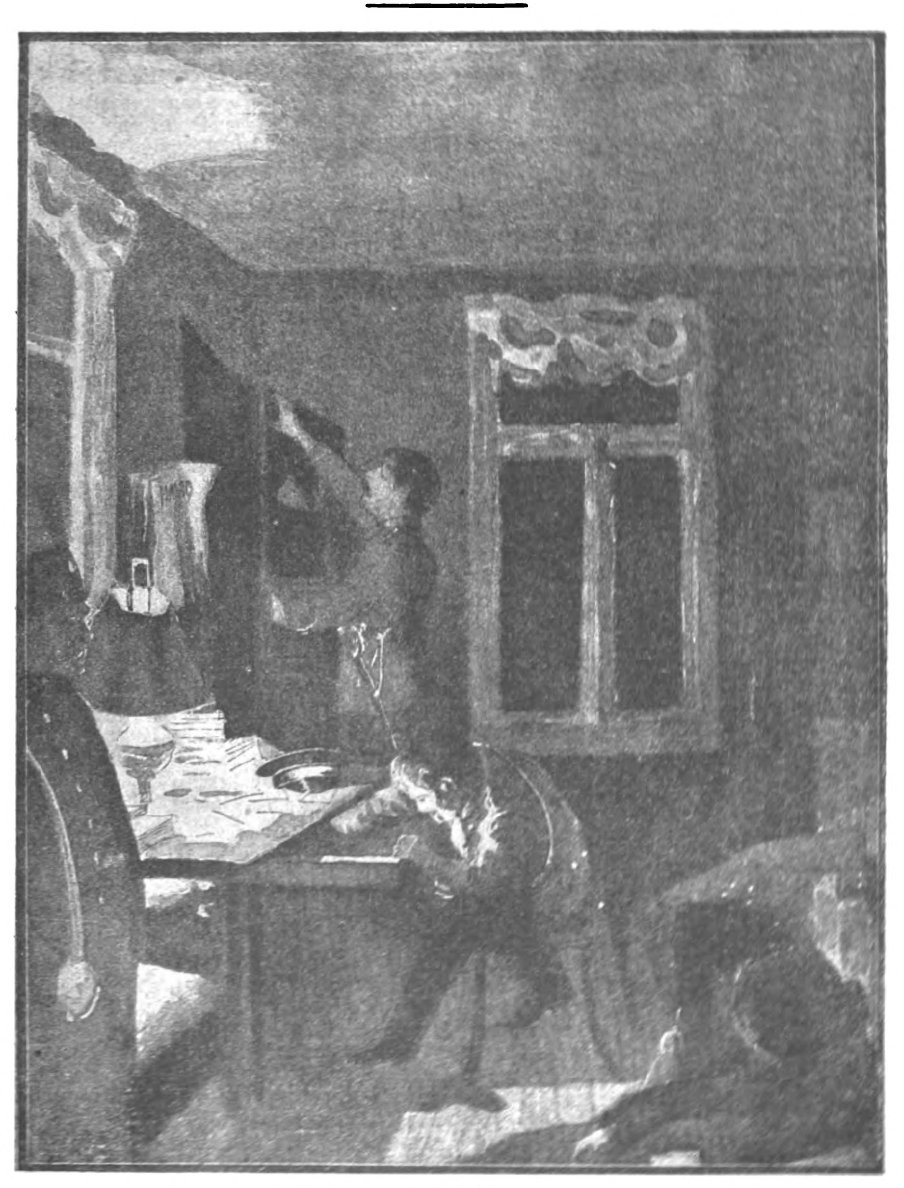
Б. Струмилло.

Д. Ф. Сверчков и П. А. Злыднев
Перед отправкой в ссылку.

[1] Ленингр. Истпарт—„1905 год в Петербурге“. Вып. I, стр. 322.

1905 год

Обыск

ИТОГИ ЛОКАРНО

Конференция в Локарно закончена. Гарантийный договор принят, подписан и даже опубликован. Локарно подвел итоги переговорам, тянувшимся около 9 месяцев (с февраля этого года). Сейчас еще очень трудно судить о результатах Локарно, т. е. о том, чего **достигла** каждая из держав, поставившая свою подпись под гарантийным договором. Можно только определенно сказать чего они **добивались**, с чем они **шли** на эту конференцию, а также кто победил в Локарно, кто ближе всего подошел к намеченной первоначально цели.

Что такое гарантийный договор?

Сторонники и защитники идеи заключения гарантийного договора обещали, что он положит конец напряженному состоянию в Европе, даст Франции уверенность в безопасности ее границ, обеспечит Германию от всяких неожиданных вторжений со стороны Франции, вроде рурской авантюры, наконец, введет Германию в Лигу Наций в качестве равноправного члена и тем самым прекратит разделение Европы на два враждебных лагеря—победителей и побежденных.

По-русски „гарантийный договор“ всего правильнее перевести словами: договор об обеспечении безопасности. Чьей же безопасности? Безопасности границ всех договаривающихся государств. Но, ведь эти границы как будто были точно установлены Версальским договором, мало того, в условиях Версальского мира содержится такая „гарантия“ их неприкосновенности, как полное разоружение Германии, при все увеличивающихся вооружениях ее соседей.

Однако, Версальский договор, составители которого стремились лишь раздавить Германию во что бы то ни стало, содержит в себе столько внутренних противоречий, что он никак не может устоять на ногах, и, несмотря на протесты Франции, все время подвергается пересмотру по частям.

Первой серьезной брешью в здании Версальского мира было так называемое, лондонское соглашение, утвердившее план Дауэса (подробнее об этом плане см. „Красный Журнал для Всех“ № 9).

Оставляя в стороне влияние плана Дауэса на положение германского пролетариата, нужно признать, что он временно дал известный толчок восстановлению германского хозяйства.

Теперь надо было как-нибудь политически закрепить этот план. Никакой хозяйственный под'ем не может дать ощутительных результатов, пока Германия живет под постоянной угрозой нападения Франции, под предлогом санкции (наказания) за нарушение какой-нибудь невыполнимой статьи Версальского договора, а Франция с ужасом следит за каждым успехом Германии, всюду подозревает тайные склады оружия, тайные формирования военных отрядов, тайную выработку удушливых газов для нападения на Францию или ее союзников—Польшу и Чехо-Словакию.

Гарантийный договор и должен явиться таким политическим завершением плана Дауэса.

Предшественники гарантийного договора

Гарантийный договор не является первой попыткой „установить окончательный мир“ в Европе. Первая попытка была сделана непосредственно после заключения Версальского договора, когда английское, французское и американское правительства заключили тесный оборонительный союз, при чем Англия и Америка обязывались защищать Францию от всяких нападений. Эта попытка окончилась ничем, так как Соединенные Штаты отказались подписать договор, заключенный тогдашним президентом Вильсоном и, вообще, отказались связываться какими-нибудь обязательствами с Европой.

Второй попыткой, самой близкой к нам по времени, был пресловутый Женевский протокол, пытавшийся организовать мир вокруг и через посредство Лиги Наций. Эта Лига, собственно по своему уставу и должна заботиться о сохранении мира и о разрешении всех конфликтов, возникающих между ее членами путем переговоров или третейского суда, но в действительности, она составляет только удобную ширму для прикрытия грабительских интересов так называемых „великих держав“, в первую очередь Англии и Франции, так как наиболее могущественная империали-

стическая держава, Северо-Американские Соед. Штаты не входят в Лигу.

Осенью прошлого года, когда в Англии стояло у власти „рабочее правительство“ во главе с Макдональдом, а во Франции радикальное правительство Эррио, находившееся под сильным влиянием социалистов и державшееся только благодаря их поддержки, Макдональд и Эррио совместно разработали проект „организации мира“. Этот проект, под именем Женевского протокола, был единогласно принят сессией Лиги Наций. Сущность этого соглашения заключалась в том, что все члены Лиги обязываются разрешать все возникающие между ними споры при помощи третейского разбирательства: в случае же, если кто-нибудь из них нарушит мир, все остальные обязываются передать все свои вооруженные силы в распоряжение Лиги для наказания „правонарушителя“.

Таким образом, все вооруженные силы членов Лиги и, прежде всего, самая могущественная из них — английский военный флот, переходил как бы в непосредственное распоряжение Лиги Наций, т.-е. могли быть отправлены в любую „карательную экспедицию“ независимо от желания их владельцев.

Протокол был принят единогласно, но утверждение его натолкнулось на сильнейшие препятствия, в особенности в Англии, где доминионы (самоуправляющиеся колонии Англии: Канада, Австралия, Новая Зеландия, южная Африка, становящиеся все более самостоятельными и тяготеющие к Соед. Штатам), все решительнее и громче поднимали свой голос против втягивания их в европейские авантюры. Да и в самой Великобритании одна мысль о том, что какая-то посторонняя сила могла бы распоряжаться английским флотом, вызывала величайшее негодование всего буржуазного общественного мнения.

К тому же вскоре перевыборы парламента дали сильный перевес консерваторам, рабочее правительство сменилось крайне-правым министерством Болдуина-Чемберлена, и Женевский протокол, утверждение которого Макдональд просто затягивал, был похоронен окончательно.

Возникновение проекта гарантийного договора

После провала Женевского протокола, взаимоотношения великих держав между собою и Германией продолжали оставаться крайне неопределенными.

Тогда-то германский министр иностранных дел Штреземан, действующий под сильным влиянием Англии, обратился к союзным правительствам с предложением гарантийного договора. Германские предложения сводились к следующему: Германия еще раз торжественно подтверждает свой отказ от Эльзас-Лотарингии и утверждает незыблемость своих западных границ, установленных Версальским договором. Франция обязана также „гарантировать“ неприкосновенность германской границы, т.-е. не устраивать разбойнических налетов вроде пресловутой Рурской оккупации. Что же касается восточных и южных границ Германии (это относится прежде всего к Верхней Силезии и к польскому коридору, разрезающему Германию на две половины), то Германия обязывается не пытаться изменить их вооруженной силой, но оставляет за собой право поднять в Лиге Наций вопрос об их пересмотре.

Германия добивается также вступления в Лигу Наций, но лишь при условии изменения параграфа 16 устава Лиги. Этим параграфом все члены Лиги обязываются участвовать в санкциях (выступлениях) против того государства, которое окажется признанным за нарушителя мира. В отношении разоруженной Германии этот пункт неизбежно превратился бы в обязанность пропускать карательные экспедиции Лиги через свою территорию, так что она в любой момент могла бы испытать на своей шкуре все прелести военных действий, не будучи ни в какой мере заинтересованной в целях войны.

Зачем Германии нужен гарантийный договор?

Когда знакомишься с германскими предложениями, то невольно задаешься вопросом: зачем все это понадобилось Германии? Неужели ей мало было версальской петли, что ей потребовалось еще самой для себя приготовить такой капкан? Ведь в условиях договора, содержащихся в германских предложениях, нет ни одного ясного и недвусмысленного требования со стороны Германии, если не считать за требование робкий намек на возможность поднять в Лиге Наций вопрос о пересмотре восточных границ. В чем же дело? Зачем германскому правительству, которым к тому же руководят националисты, партия, всегда особенно громко протестовавшая против всяких сделок с Антантой, понадобилось затеять всю эту историю, — не поду-

чая ничего реального взамен за все свои уступки.

Повидимому, дело обстоит не так просто. Повидимому, когда Англия уговаривала Германию выступить с этим предложением, она посулила ей гораздо больше, а именно, не простую „возможность поднять вопрос“, а свою реальную поддержку. Иными словами, Германия рассчитывает, что когда она заговорит о возвращении ей Верхней Силезии или польского коридора, Англия поможет ей, а если дело дойдет до войны, сохранит благожелательный нейтралитет. Германское правительство прекрасно понимает, что Англия никогда не допустит никаких перегруппировок и передвижения границы на Рейн — это слишком близко ее касается. Поэтому отказ от Эльзаса и Лотарингии является довольно ловким и ни к чему не обязывающим маневром — все равно Германии не видать этих провинций, как ушей своих. Зато с потерей Верхней Силезии и с проходом польского коридора через ее территорию Германия никогда не примирится. За надежду получить их обратно она готова итти на самые рискованные предприятия. Гарантийный договор и является таким риском. Англия ей обещает помощь и поддержку, но никаких гарантий, конечно, ей не дает, да и дать не может, так как это значило бы открыто порывать со своей союзницей Францией. Таким образом, Германии пока приходится полагаться на слово Чемберлена (английского министра иностранных дел).

Победа Англии над Францией

Какие же цели преследовала Англия, втягивая Германию в эту комбинацию? Англия заинтересована в гарантийном договоре по целому ряду соображений. С одной стороны, Англия страдает от хронического кризиса сбыта и нуждается в европейском рынке. А для того, чтобы европейский рынок мог пред'являть спрос на английские товары, нужен мир. Военные действия или даже вооруженный мир подрывают покупательную способность населения. С другой стороны, Англия, искони стремилась к установлению европейского „равновесия“, иными словами, к тому, чтобы ни одна держава не могла слишком усилиться и чтобы все они, в конечном счете, зависели от Англии и подчинялись ей. После окончания войны, по мнению английских империалистов, слишком усилилась Франция. Она разоружила и поставила на колени Германию, она установила сеть континентальных союзов (Польша, Чехо-Словакия, вся Малая Антанта были тесно с ней связаны) и, таким образом, сделалась сильнейшей державой на европейском материке. Поэтому, Англия решила во что бы то ни стало восстановить нарушенное равновесие. С этой целью она решила помочь усилению Германии (до известных пределов, конечно, т.-е. лишь до тех пор, пока она не сделается опасным конкурентом для самой Англии), а также если не разрушить, то, по возможности, ослабить связи Франции с ее восточными союзниками. Для этого Англия не только не согласилась гарантировать границы Польши и Чехо-Словакии, но всячески настаивает на том, чтобы сама Франция была лишена этого права. Весь спор между Англией и Францией велся в крайне двусмысленных выражениях вокруг того, сможет ли Франция вводить войска в демилитаризованную часть Германии (ту часть, где, по Версальскому договору, ни одно государство не может держать армии) при нападении со стороны Германии или другого государства на Польшу или Чехо-Словакию.

Англия настаивала, что вводить войска в Германию можно будет лишь по единогласному признанию Совета Лиги Наций, что именно Германия явилась нападающей стороной. Франция же требовала предоставления ей права самостоятельно решать этот вопрос.

В результате локарнских переговоров, как и следовало ожидать, Франция вынуждена была уступить в этом основном вопросе. **Польша и Чехо-Словакия не включены в общий гарантийный договор**, а заключили **отдельные соглашения** с Германией, при чем Франция не добилась права быть гарантом (т.-е. той силой, которая обеспечивает их безопасность, в случае необходимости даже силой оружия).

Такова цена, уплаченная Францией за соглашение об уплате долга Англии. (Как известно, Англия дала Франции рассрочку на 65 лет и согласилась на уплату в этот срок 38% всей суммы долга, отказавшись от получения остального).

Итак, Франция соглашается на гарантийный договор за неимением ничего лучшего. Она всеми силами цеплялась за Женевский протокол, как за общее соглашение, гарантирующее в равной мере, все существующие границы, а не только рейнские, и оставляющее в полной

неприкосновенности всю ее систему европейских союзов. Однако, ввиду решительного отказа Англии утвердить Женевский протокол, ей пришлось внимательно отнестись к германским предложениям. Франция долгое время пыталась распространить гарантийное соглашение и на своих восточных союзников, и лишь пядь за пядью отступала в этом вопросе.

Франция после окончания войны, несмотря на полную победу союзников, не перестала бояться Германии. Она с ужасом смотрит на хозяйственное восстановление Германии, которое неизбежно должно привести к увеличению ее политического значения. Поэтому для нее гарантийный договор, прежде всего, средство закрепить результаты Версальского мира, во что бы то ни стало сохранить созданное им положение.

Между тем, это средство чревато многими опасностями. Делая Германию равноправной, вводя ее в Лигу Наций, гарантийный договор тем самым исподволь подрывает Версаль, рассматривавший Германию, как страну, которой приказывают, но с которой не разговаривают.

Идя на соглашение, Франция мечтает о воссоздании Антанты (период 1908—1917 г.), при чем место отпавшей России должны занять Чехо-Словакия и Польша. Англия же идет на гарантирование рейнских границ Франции — только ценою разрушения этой новой французской Антанты.

Мало того, ослабления Франции Англия достигает не только путем ликвидации французских союзов в Европе, а также прямым использованием Германии против Франции. Гарантийный договор создаст для Англии необычайно удобное положение в том смысле, что Англия гарантирует не только Францию от германского нападения, но и Германию от французского. Решать же кто является нападающей стороной, Англия будет, конечно, в зависимости от своих интересов. В случае надобности Англии ничего не будет стоить — Лига Наций ее послушное орудие — об'явить Германию стороной, „нуждающейся в защите“.

Америка поддерживает „европейское равновесие...“ и кредитоспособность

Мы до сих пор намеренно не упоминали об одной, чрезвычайно могущественной державе, как будто бы стоящей вне этого переплета борющихся сил, бо в действительности оказывающей на него сильнейшее влияние. Мы говорим, конечно, о Северо-Американских Соединенных Штатах, Америка не входит в Лигу Наций, ее подписи нет под Версальским договором, она не участвует в Локарнской конференции. Между тем, именно она провела план Дауэса, урегулировавший обязательства Германии по отношению к союзникам, именно она, пользуясь таким действительным средством давления, как задолженность всей Европы по отношению к ней, настаивает на том, чтобы план Дауэса получил политическое завершение, которое, хотя бы на некоторое время, смогло бы гарантировать Европу от новой войны. Она заинтересована в европейском мире, так как ей важно сохранить кредитоспособность своих должников. Пока что этим исчерпывается ее участие в европейской политике, но этого достаточно, чтобы подчинить себе в равной мере и победителей и побежденных.

Гарантийный договор, конечно, не создает никаких гарантий мира. Но он идет все же по линии американских интересов в Европе, поскольку устанавливает некоторое „равновесие“, т.-е. оттяжку большой европейской войны, каковой может быть только война между Англией и Францией. Поэтому для Америки сейчас выгодна та политика поддержки „равновесия“, которую ведет в Европе Англия.

Гарантийный договор направлен против СССР

Однако, Англии недостаточно быть сильнейшим государством в Европе. Английский империализм имеет своих врагов не только в Европе, но и у себя дома и во всем мире. „Дома“ — это быстро левеющие рабочие массы, во всем мире—восстающие против векового гнета народы Востока. И английский пролетариат и национально-революционные элементы народов Востока видят своего верного союзника и образец в Советском Союзе. Отсюда бешеная ненависть к Союзу ССР со стороны английских империалистов. Уничтожить Советский Союз, пока не поздно, пока он не укрепился еще больше, вот заветная цель английского империализма. Для этой цели все средства хороши.

В числе средств, при помощи которых Англия стремится к этой своей цели, не последнее место занимает ее политика втягивания Германии в противосоветский блок. Среди европейских государств Германия занимает по отношению к СССР своеобразное место. Германия заинтересована в мирных отношениях с СССР не только экономически, но

и политически, что естественно при том состоянии изоляции среди врагов, в котором оказалась Германия после войны. Еще в 1922 г. политическое тяготение Германии к Советской России было настолько сильно, что Германия осмелилась пойти на заключение договора в Рапалло (апрель 1922 г.), согласно которому она обязалась не входить ни в какие союзы, направленные против СССР.

Но даже в 1922 г. Рапалльский договор являлся со стороны Германии скорее попыткой „запугать“ Антанту, нежели серьезным стремлением руководящих кругов германской буржуазии к сотрудничеству с СССР. За последние же годы, в особенности со времени принятия плана Дауэса (осень 1924 г.) разгромленная в первой империалистической войне германская буржуазия все больше старается „выйти в люди“, опираясь на финансовую поддержку Америки и Англии. Таким образом, германская буржуазия все теснее связывает свою судьбу с Англией, и вхождение Германии в Лигу Наций означает дальнейшее уменьшение самостоятельности германской внешней политики. В любое время Лига Наций сможет, если не вовлечь Германию непосредственно в войну против СССР, то потребовать от нее пропуска войск, нападающих на Советский Союз.

Чего стоит „самостоятельность“ германской внешней политики, видно из неудачной попытки Германии уклониться во время локарнских переговоров от некоторых условий вхождения в Лигу Наций, а именно от применения к ней пресловутого параграфа 16-го, а также из замечательного „истолкования“, данного этому параграфу представителями бывшей Антанты. Речь идет об обязанности государств, входящих в Лигу Наций, участвовать в выступлениях против государства, признанного Лигой за нарушителя мира. Германия ссылалась на невозможность принять на себя такое обязательство, поскольку она разоружена. На это последовал ответ, что „каждое государство, являющееся членом Лиги Наций, обязано оказать противодействие всякому выступлению, носящему характер нападения, в той мере, в какой это допускает его военное и географическое положение“. Это значит, что в случае войны Англии (или какого-либо другого государства, входящего в Лигу) против СССР, от Германии не потребуется прямого участия в войне (этого не допускает ее „военное положение“, так как она не может выставить армии), но зато полностью будет использовано ее „географическое положение“, и все войска будут проходить через ее территорию.

Гарантийный договор и европейский пролетариат

Германская буржуазия, конечно, очень бы хотела, как можно дольше выставлять на вид свою „нейтральность“ между Западом и Востоком. В дни, предшествовавшие Локарнской конференции и отмеченные посещением Берлина Чичериным, заявления германских политических деятелей и печати были полны фраз о „широком сердце“ германского народа, которое мол желает и может жить в мире со всеми.

Этими фразами, так же как и разглагольствованиями союзнической печати о наступающей после Локарно новой эре мира и прочих благ, быть может еще удастся обмануть наиболее отсталые слои трудящихся, но не пролетариат Запада, который уже разгадал сущность гарантийного договора, как договора, подготовляющего новые войны, и направленного в первую голову против Советского Союза. И вокруг лозунгов: „Долой новую войну“, „Руки прочь от Советской России“, создается могучий единый фронт пролетариата.

Н. Крушкол.

На пути к сокровенным глубинам атома.

(Окончание) [1].

Фотоэлектроны.

После того, как электроны, составляющие катодные лучи, были изучены, тотчас же возник вопрос, существуют ли иные физические явления, в которых также принимают участие электроны, существуют ли иные, кроме Круксовой трубки, методы их получения?

Оказалось, что трубка Крукса была лишь исторически первой, где электроны наблюдались, что, чем дальше, тем все большую и большую роль в новой физике стали играть электроны, буквально все собою заполняя и влияя буквально почти на каждое физическое явление, принимая в нем посильное участие. Уже сравнительно давно Гальвакс открыл довольно странное на первых порах явление. Оказывалось, что почти все тела, подвергнутые освещению ярким светом, начинают выбрасывать с своей поверхности потоки электронов. Лишаясь, таким образом, отрицательно заряженных частиц, они обнаруживают на своей поверхности положительный заряд. Если же они предварительно были заряжены отрицательным электричеством, то постепенно его теряют. Таким образом получается впечатление, что лучи света как бы снимают отрицательный заряд. Само явление получило название ф о т о э л е к т р и ч е с к о г о э ф ф е к т а, а электроны, выброшенные с поверхности тела действием света, получили название ф о т о э л е к т р о н о в. Механизм явления скоро был об'яснен. Оказалось, что свет, падая на поверхность тела, вызывает разрушение атомов, а следовательно, освобождает электроны, которые, вылетая, уносят отрицательный заряд, вследствие чего остающиеся части атомов обнаруживают положительный заряд. Тотчас же были произведены опыты с целью узнать, каково влияние природы света и каково влияние природы самого вещества на силу фотоэлектрического эффекта. Результаты всех этих исследований имели колоссальное значение для торжества новых взглядов на природу лучистой энергии, сыграли решающую роль в борьбе, так называемой, новой квантовой теории лучистой энергии с старой волновой теорией.

Не имея возможности сейчас останавливаться подробно на интереснейших моментах этой еще далеко не законченной борьбы, упомянем лишь о том, что фотоэлектрический эффект в настоящее время открыт всюду, и в твердых телах, где он резче всего проявляется, и в жидких, где он может быть обнаружен лишь при помощи весьма точных методов наблюдения. Из твердых тел его проявляют резче всего металлы, а из металлов сильнее всего, обильнее всего испускают под влиянием света электроны, щелочные металлы: натрий, калий, рубидий. За ними следуют: цинк, кадмий, алюминий, магний и т. д.

Природа лучистой энергии имеет также колоссальное значение на силу фотоэлектрического эффекта. Ч е м к о р о ч е д л и н а в о л н ы л у ч и с т о й э н е р г и и, т е м р е з ч е ф о т о э л е к т р и ч е с к и й э ф ф е к т. Из видимого света сильнее всего активны синие и фиолетовые лучи, еще резче действуют невидимые лучи — ультрафиолетовые. Но самое резкое ионизующее действие оказывают еще более короткие лучи — рентгеновские. Известна целая отрасль химии, называемая фотохимией, изучающая химические реакции, происходящие под влиянием света. Сюда относятся прежде всего все химические реакции, на которых основано действие фотографических пластинок. Не менее общеизвестна бурная реакция, происходящая со взрывом, соединения хлора с водородом, под влиянием освещения ярким светом и т. д. Оказалось, что во всех этих реакциях первично имеет место фотоэлектрический эффект, когда под влиянием света из атомов выбиваются электроны и лишь после происходит та или иная реакция.

Обычно световые лучи и даже ультрафиолетовые дают резкий фотоэлектрический эффект л и ш ь с твердыми телами. Рентгеновские лучи уже весьма сильно ионизуют газы и в том числе воздух.

Самый лучший электроскоп перестает держать электрический заряд и его листочки спадают, если вблизи работает Рентгеновская трубка, так как тотчас же весь окружающий

---

[1] См. № 10 „Красн. Журн. для всех“.

воздух, под влиянием рентгеновских лучей, ионизуется и становится проводником электричества. Радий, как известно, также делает окружающий воздух проводником электричества, так как он испускает, так называемые гамма-лучи, которые очень похожи на Рентгеновские, но еще более короткой длины волны, а следовательно, обладающие еще более резкой ионизующей способностью. Уже давно было замечено, что водяные пары могут находиться в совершенно чистом воздухе в пересыщенном состоянии и не сгущаться в туман, т.-е., в капельки жидкости. Такое сгущение, или конденсация паров требует присутствия особых центров, вокруг которых про-

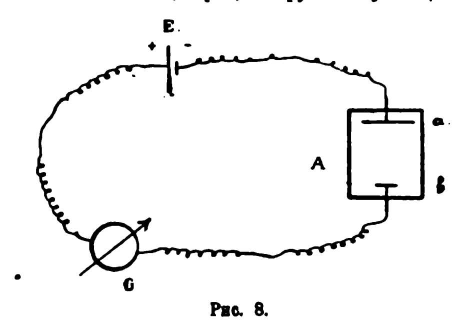

Рис. 8.

исходит конденсация или образование капелек. Обычно такими центрами служат мельчайшие пылинки, находящиеся в воздухе. Однако, в опытах Томсона и Вильсона наблюдалось следующее первостепенной важности явление. В совершенно чистом воздухе находилось пересыщенные пары воды. Так как воздух чист, центров конденсации паров в виде пылинок нет, то и сгущение образования капелек также не происходит. Однако, если подвергнуть воздух действию рентгеновских лучей, тотчас происходит образование тумана, т.-е. сгущение паров воды в мельчайшие капельки. Об'яснение заключается в следующем: под влиянием рентгеновских лучей происходит ионизация воздуха, образуются электроны и эти электроны служат прекрасными центрами, вокруг которых и сгущаются капельки воды. Казалось бы, эти «кабинетные» опыты могут интересовать лишь ученых-теоретиков и далеки от практической жизни. На поверке же оказалось другое. Эти опыты дали разгадку чрезвычайно важных атмосферных явлений—образование облаков и туч. Солнечные лучи, богатые ультрафиолетовым светом, особенно сильно во всех телах вызывают образование электронов, несомненно ионизуют и самый воздух. Эти электроны и служат центрами, вокруг которых сгущаются капельки воды и образуют облака и тучи. Атмосферное электричество, проявляющееся в виде грозы, есть ничто иное, как собирание этих отдельных электронов в один мощный заряд. Более того, в настоящее время опыты с конденсацией водяных паров вокруг электрических зарядов окончательно вышли из периода чисто лабораторных экспериментов и дают возможность ожидать не сегодня-завтра разрешения чрезвычайно важной практической задачи — искусственного дождя. В Америке с большим успехом уже проделываются такие опыты. Аэроплан рассеивает с большой высоты мелкий наэлектризованный песок. Вокруг таких песчинок происходит усиленная конденсация водяных паров, которые все более и более сгущаются и, наконец, выпадают в виде обильного дождя. Нет сомнения, что в ближайшем будущем этот способ станет играть колоссальную роль в агрикультуре, что является, несомненно, крайне своевременным и в нашем сельском хозяйстве, так как обычный способ вызывать во время засухи дождь служением в поле молебнов уже окончательно считается устаревшим, да и раньше он приводил к желательным результатам лишь тогда, когда главное действующее лицо заблаговременно справлялось по барометру о подходящем моменте для начала совершения «чуда».

Не менее важное практическое применение имеют эти фотоэлектроны и в таких опытах.

Представим себе следующую схему приборов (рис. 8).

Главную и существенную часть играет, так называемый, фотоэлемент *A*, представляющий собою стеклянную трубку, наполненную обычно разряженным гелием.

Одна сторона этой трубки *a* покрыта амальгамой калия (сплав калия и ртути). Против этого слоя в *в* находится металлическая проволока. Далее составляется цепь из аккумулятора *E*, этого фотоэлемента *A* и гальванометра *g*. Отрицательный полюс аккумулятора присоединяется к амальгаме, а положительный через чувствительный гальванометр присоединяется к проволочке *в*. Если прибор находится в темноте, ток, конечно, не идет, так как разряженный гелий представляет огром-

ное сопротивление прохождению тока. Однако, лишь только луч света упадет на амальгаму, тотчас же он вызовет колоссальной силы фотоэлектрический эффект. С амальгамы ринется поток электронов и начнется перенос электричества с амальгамы на проволочку *в*, далее по цепи пойдет ток, и гальванометр даст отклонение. Ясно, что чем ярче будет свет, падающий на амальгаму, тем сильнее пойдет и ток, тем резче отклонится гальванометр. Если вместо гальванометра включить телефон, то вместе с изменением силы освещения амальгамы, будет меняться интенсивность фотоэлектрического эффекта, будет меняться сила потока электронов, станет изменяться и сила потока, идущего через телефон. Телефон станет издавать звуки, различные по силе и тону. Таким образом, по звуку, издаваемому телефоном, мы с закрытыми глазами будем знать о силе освещения. Ясно, что отсюда один шаг, чтобы применить эти фотоэлектроны на пользу слепого человечества. Имея такой прибор, слепые смогут с л ы ш а т ь в телефон солнечный свет, могут у с л ы ш а т ь белую стену и, проходя мимо окна, у с л ы ш а т его по усилению звука. Наоборот, промелькнет мимо их глаз тень какого-нибудь человека и тотчас же это отразится замиранием звука. Войдут слепые в темную комнату и тотчас телефон замолчит, давая знать о наступившей темноте. Таким образом, прошло немного времени и практичное человечество величайшее достижение теории — разбитый на части, былой неделимый атом уже приспосабливает для обслуживания своих насущных потребностей.

Термионы. И совсем уже неожиданное практическое применение имеет еще один сорт электронов, называемый термионами.

Оказалось, что каждое раскаленное тело обильно испускает электроны. Так как здесь возбудителем потока электронов является теплота, то вызванные ею электроны и получили название т е р м и о н о в.

Если взять раскаленную проволоку и направить вылетающие с нее термионы на металлическую пластинку, соединенную с электроскопом, то тотчас же листочки электроскопа разойдутся и обнаружат отрицательный заряд. Исследование действия магнитного и электрического полей на этот поток термионов показало, что они по всем своим свойствам напоминают электроны в катодных лучах. Всякое пламя также содержит термионы, благодаря чему оно и обладает способностью ионизовать воздух, т.-е. делать его проводником электричества. Солнце, представляющее собою огромное в высшей степени раскаленное тело, посылает мощные потоки электронов — термионов во все стороны в мировое пространство. Часть этих термионов достигает верхних, разряженных слоев атмосферы и вызывает в них свечение, аналогичное свечению разряженных газов в Гейсслеровых и Круксовых трубках. Таково общепризнанное сейчас происхождение еще весьма недавно вполне загадочного явления полярных сияний.

Переходим к изложению величайшего и изумительного по своей неожиданности применения электронов, столь казалось бы далеких от запросов повседневной жизни, к обслуживанию самых практических и реальных нужд человечества.

Итак, раскаленная металлическая проволочка, находясь в пустоте и испуская термионы, всегда как бы окружена э л е к т р о н н ы м п а р о м. Лишаясь отрицательного электричества, она тем самым приобретает положительный заряд, и в силу электростатического притяжения должна удерживать этот электронный пар, в роде того, как земля силою тяжести удерживает свою атмосферу. Уже давно Эдиссон наблюдал следующее любопытное явление. Если в обыкновенную электрическую лампочку (рис. 9) впаять металлическую пластинку *O* и соединить ее с положительным полюсом батареи *A*, а накаливаемую нить *B* с отрицательным полюсом той же батареи, то, пока лампочка не горит, ток, конечно, не проходит, и гальванометр *g*, конечно, не отклоняется, так как пространство между *O* и *B* является непроводником электричества (почти пустота).

Однако, едва лишь лампочка загорается и нить *B* подвергается накаливанию, как тотчас же с этой раскаленной нити устремляется поток электронов по направлению стрелки, и в цепи возникает ток, а гальванометр резко отклоняется. Вылетающие электроны отталкиваются нитью, так как и нить и электроны заряжены отрицательным электричеством, и наоборот, притягиваются пластинкой *O*, как заряженной положительным электричеством. Точно также, как гашение лампочки, действует перемена знака у пластинки *O* и нити *B*. Если пластинку *O* теперь соединить с минусом батареи, а нить *B*

с полюсом, то ток не пойдет, так как электроны будут удерживаться на месте положительно заряженной нитью и, кроме того, отталкиваться от отрицательно заряженной пластинки *O*.

Лишь сравнительно недавно это явление Эдиссона получило надлежащее об'яснение, а затем и техническое применение. Описанная нами лампа и есть в сущности в своем первоначальном виде знаменитая усилительная катодная лампа. Успехи современной радиотехники обязаны своим пышным расцветом именно использованию рассмотренных термоэлектронных токов. В 1906 году Ли-де-Форест ввел в катодную лампу третий электрод, укрепив в пространстве между нитью *B* и пластинкой *O* проволочную сетку *C*, соединенную с особой батареей, а позже в схеме радиоприемника с антенной.

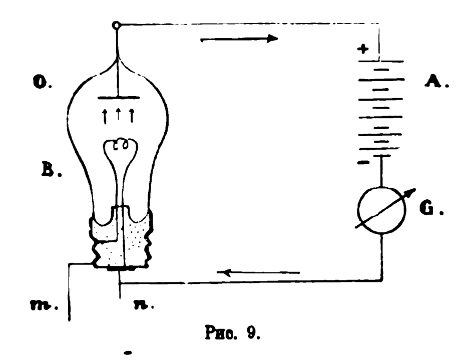

Рис. 9.

Он открыл, что малейшие изменения силы тока, текущего через сетку, оказывает огромное действие на ток, текущий через нить в пластинку.

Пока сетка *C* находится в лампе без внешней связи, она получает лишь слабый отрицательный заряд под действием летящих из *B* электронов. Отрицательные электроны частично проскакивают на пластинку, а частично возвращаются обратно на нить накала. Таким образом, термоионный ток лишь будет слегка уменьшаться. Если же к решетке *C* присоединить какой-нибудь отрицательный заряд, то ток вследствие отталкивания электронов будет уже резко ослабевать, и при дальнейшем возрастании отрицательной электризации сетки и совсем прекратится, так как термоионы совсем не будут в состоянии проскочить сквозь сетку. Наоборот, если дать положительный заряд сетке, электроны будут притягиваться к пластинке *O* с еще большей силой, получая на своем пути при прохождении сквозь положительно заряженную сетку добавочное ускорение, и ток в цепи станет усиливаться.

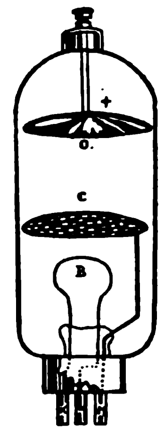

Рис. 10.

Таким образом, роль сетки может быть приравнена к назначению крана в водопроводе, где от малейшего его поворота зависит резкое увеличение или уменьшение струи воды. Так и в катодной лампе самые ничтожнейшие изменения заряда на сетке оказывают огромнейшее влияние на ток, текущий через нить *B* к пластинке *O*.

Вместо гальванометра *g* можно включить телефон, который и будет реагировать на резкое изменение тока в цепи, вызываемое ничтожнейшими колебаниями заряда сетки, улавливающей посылаемые электрические волны. Такая сетка может быть также уподоблена курку ружья, или золотнику локомотива. Легкое нажатие пальца на курок вызывает страшный взрыв, а небольшое передвижение золотника приводит в движение длинный и тяжелый поезд. Ли-де-Форест изобрел, таким образом, прибор, улавливающий чрезвычайно слабые токи, колеблющиеся в цепи приемной антенны, и превращающий их в резко заметный, во много раз усиленный ток в главной цепи, куда включен телефон. Но это еще не все. Сила сигналов, принятых одной катодной лампой, может быть значительно увеличена посредством второй катодной лампы. Ко второй можно присоединить третью и т. д. Можно добиться усиления первоначального эффекта более, чем в десять триллионов раз. Усиленный таким образом шорох прикосновения лапок мухи к столу превратится в громоподобный топот, а слабое тикание часов в оглушительный грохот парового молота.

Единственно благодаря катодной лампе сделались возможны «чудеса» современной радиотехники, осуществилось, например, телефонное сообщение между Нью-Йорком и Сан-

Франциско на расстоянии около 6.000 километров.

Такой головокружительный путь совершил электрон и как-то не верится, что в 70-х годах прошлого столетия Крукс, впервые наблюдая таинственное свечение катодных лучей в тиши своего ученого кабинета, еще верил в то, что этот «неземной», «мистический» свет, вызываемый теми же электронами, дает ему, увлекающемуся спириту, возможность общения с потусторонним миром. Так, в наше время самая отвлеченная, казалось бы, теория не сегодня-завтра может оказаться архиреальнейшей практикой.

Проф. С. В. Серков.

Что такое радио?

Сплошь да рядом у массового читателя, слышащего о ежедневных поразительных достижениях радио, возникает ряд недоуменных вопросов — в чем же, собственно говоря, — заключается сущность этой величайшей победы человеческого ума последнего времени? Как создались, как выросли идеи беспроволочной передачи сигналов и звуков на расстояние многих тысяч километров?

Наука о радио получила теперь такое широкое развитие, что в этой небольшой статье, имеющей целью ознакомить читателя лишь с основными чертами радио, — нет, конечно, никакой возможности осветить все чрезвычайно интересные вопросы радиотехники.

Прежде всего два слова о довольно распространенном мнении, конечно, среди лиц мало знакомых с физикой, — будто **радио** имеет какую-то связь с пресловутыми чудесами **радия**, — вещества ставшего известным также около тридцати лет тому назад. На самом деле **радий** и **радио** — это совершенно различные физические явления, имеющие лишь общий корень в своем названии. Всем известно слово „радиус", которым из какого-нибудь центра описывается окружность. Радиусы расходятся из центра подобно лучам, а луч на латинском языке и есть радиус и „радиировать" означает — „испускать лучи". При исследованиях ученых химиков было обнаружено, что один новооткрытый ими химический элемент испускает все время из себя какие-то излучения, — оказавшиеся мельчайшими, выбрасываемыми им с огромной скоростью частицами, отчего и самый элемент получил название радий.

Открытие явлений радио-активности послужило началом полного переворота в наших воззрениях на сущность материи, и само по себе настолько интересно, что заслуживает особой подробной беседы.

В радио дело обстоит совершенно иначе. Здесь происходит при известных условиях не излучение частиц, а излучение, или радиация, особых волнообразных колебаний в эфире, распространяющихся во все стороны, подобно лучам, испускаемым источником света, отчего и произошло название „**радио**".

Что же это за колебания? Как могут они нами восприниматься и наблюдаться? Здесь нам на помощь приходит явление звука. Звук это тоже колебание, но не эфира (вещества наполняющего собой всю вселенную) а воздуха. Возьмем тиски и зажмем в них стальную пластинку, выставив ее на несколько дюймов. Если мы тронем эту пластинку, отведя ее в сторону пальцем, — мы увидим, что эта пластинка начнет вибрировать, колебаться. Если эту пластинку немного укоротить, — колебания ее сделаются настолько частыми, что мы уже не будем в состоянии уловить глазом ее колебания, но зато услышим гудение, тон которого будет тем выше, чем короче будет выступающий кончик пластинки.

Колебания пластинки приведут в движение окружающие частицы воздуха, производя то сжатие, то сгущение ближайших его слоев, и вот эти-то попеременные сгущения и сжатия, распространяясь во все стороны от вибрирующего тела, будут восприниматься нашей

барабанной перепонкой и механизмом слуха— в качестве некоторого звука.

Пределом самого низкого звука будет для нашего уха около 16 колебаний (вибраций) в секунду, а пределом высокого— около 40.000. Опытом также было найдено, что скорость распространения звука в различных телах бывает различной — в воде и в металле она больше, в воздухе меньше, достигая около 330 метров в секунду. В справедливости этого может убедиться каждый, кто станет издали наблюдать выстрел: сперва покажется пламя и облако дыма, а потом уже через некоторое время мы услышим звук самого выстрела.

Колебания эфира, происходящие при электрическом разряде, во много раз быстрее колебания воздуха. Электромагнитные волны, возникающие при этом, по своему характеру весьма близки к световым колебаниям и так же, как эти последние, распространяются с колоссальной скоростью— 300.000 километров в секунду. Но есть между световыми и радиоволнами и существенная разница. Световые колебания обладают огромной частотой до 600.000.000.000.000 в секунду и потому расстояние между двумя соседними колебаниями, или длина волны здесь, чрезвычайно мала — она равна скорости распространения эфирных колебаний, деленной на число колебаний в секунду — т.-е. $\frac{300.000.000.000}{600.000.000.000.000}$, или около 5/1.000 миллиметра, тогда как колебания эфира, посланные и принятые прибором радио, обладают частотой от 10.000 до 10.000.000 в секунду и длиной волны от 30.000 до 30 метров и даже меньше.

В 1831 году Фарадей обнаружил очень странное явление. Поместив стоймя на столе две спирали из медной проволоки, разделенные пространством в несколько миллиметров, и пропустив в первой гальванический ток, он заметил, что одновременно во второй, совершенно изолированной от первой, возникает электрический ток. Он убедился в этом с помощью небольшого прибора, называемого гальванометром, помещенного в цепи. Стрелка на циферблате отклонялась каждый раз, как в спирали проходил индуктированный ток. Именно Фарадей заметил, что во второй спирали ток возникал лишь в двух случаях: во-первых, когда он замыкал ток в первой катушке, и, во-вторых, когда он его прерывал. Вне этих моментов, стрелка гальванометра стояла на нуле, несмотря на то, что в первой спирали ток продолжал проходить.

Это было первой попыткой воспользоваться эфиром для распространения волн, управляемых человеком.

Почти 60 лет отделяют в этих открытиях второй этап от первого. Лишь около 1890 года великий немецкий физик Герц нашел способ вызывать специальные колебания эфира и производить испускание волн совершенно особых свойств, называемых с тех пор волнами Герца, и составляющих основу всех явлений радиотехники.

Герцу пришла гениальная идея поместить в первичном контуре Фарадея (гальванический элемент и проволоко-проводник) небольшой прибор, известный уже за 150 лет до того, в котором ток от элемента как бы собирался и достигал все большего напряжения, до тех пор, пока это напряжение не становилось настолько сильным, что этот небольшой прибор сразу разряжался искрой. Эта искра чрезвычайно быстро перескакивала то туда, то обратно и вызывала во всем контуре целый ряд электрических колебаний, вначале очень сильных, затем быстро ослабевающих. Затем все возвращалось в первоначальное состояние: конденсатор, так как речь идет именно о нем, снова заряжался, вновь производил посредством разряда искры целую серию колебаний, и так далее. Герц осуществил так называемый колебательный контур [1].

Герц доказал также, что посредством больших металлических зеркал можно отражать и электромагнитные волны, подобно волнам звуковым. Он же построил особый прибор, названный им **уловителем волн**, или **резонатором**, состоящий из куска проволоки, согнутой в виде круга, с зазором, через который проскакивала маленькая искра, когда поблизости происходил электрический разряд вибратора. Но это проскакивание искры происходило лишь тогда, когда резонатор обладал определенной длиной по отношению к длине электрических волн, так как он был соответственно настроен. Здесь наблюдается опять аналогия с явлениями звукового резонанса, которые заключаются в том, что упругая струна,

[1] Первый известный нам электрический конденсатор, Лейденская банка (Лейден — город в Голландии), был изобретен в 1746 году, т.-е., примерно, через сто лет после постройки первой электрической машины Отто Герике, в 1650 г. Конденсатор является прибором статического электричества.

помещенная около звучащей струны, начинает тоже звучать. Но это будет лишь тогда, когда вторая струна обладает такими размерами и упругостью, что сможет вибрировать с тем же самым числом колебаний в секунду, что и первая струна — иначе говоря, если она **настроена в тон** с первой.

Опыты Герца после его преждевременной смерти были повторены учеными всех стран; в 1891 году французским ученым Бранли был изобретен более чувствительный уловитель волн, названный **кохерером** или **сцепщиком**, позволившим значительно увеличить расстояние, на котором можно было воспринимать электромагнитные волны. Прибор этот состоит из стеклянной трубочки, внутрь которой введены концы проводника от какого-нибудь слабого источника тока (элемента). Пространство между этими концами заполнено металлическими неокисляющимися (серебряными) опилками. Если через такую трубочку попытаться пустить ток, мы увидим, что опилки окажут весьма большое сопротивление для его прохождения, — но как только трубка попадет в сферу электромагнитных волн, — сквозь опилки начнут проскакивать микроскопичеcке искорки, которые как бы „сцепят“ их и позволят току пройти сквозь опилки.

Новый прибор Бранли представляет из себя обнаруживатель волн более чувствительный, чем два медных шарика Герца на разрезе медного обруча. При помощи прибора Бранли можно было уже постепенно удалять приемную станцию от передающей на несколько сот метров. В то время как обручи Герца давно уже не давали искр, звонок Бранли приходил в действие, лишь только излучались волны. Новый прибор был, следовительно, **детектором**, или **открывателем** волн, при чем его чувствительность к детекции (обнаружению волн) еще возросла, когда брались золотые или серебряные опилки.

К сожалению, кохерер Бранли имел один природный недостаток. Стоило лишь ряду волн пройти через него, он без конца сохранял проводимость тока от элемента и, следовательно, прибор делался нечувствительным к последующим сериям волн. Чтобы возвратить ему его чувствительность, приходилось почти безостановочно слегка ударять его.

На практике эту обязанность выполнял постоянно ударявший по стеклу молоточек одного из звонков, у которого сняли колокольчик. Но, понятно, то было неудобное осложнение.

Руский профессор в Кронштадте Александр Степанович Попов задумал в 1894 г. употребить кохерер Бранли для открытия гроз, собирающихся в атмосфере.

А. С. Попов весьма логично подумал еще следующее: чтобы как можно лучше принять магнитный поток, проходящий через пространство, постараемся охватить возможно больший объем эфира. Приемный контур Герца, его перерезанный обруч может охватить лишь очень малое число силовых линий, испущенных контуром разрядника. Чем шире будет этот контур, тем большее количество энергии будет он в состоянии перехватить. Попов поставил на своем доме громоотвод, тщательно изолированный от всякого прикосновения с проводниками, соединил его с детектором Бранли и провел другой полюс в глубину колодца, чтобы соединение с землей было лучше.

Контур, следовательно, замыкался землей и эфиром вплоть до громоотвода. Последовательно с детектором Попов включил электромагнит. Когда вдали собиралась гроза, начинаясь несколькими разрядами, кохерер пропускал ток от элемента в электромагнит, который притягивал к себе род пера, наполненного чернилами и перемещавшегося на бумаге для записи. Недостаток материальных средств не позволил Попову развить свое изобретение, являющееся, во всяком случае, предшественником современного радио-телеграфа.

Два года спустя в 1896 г. итальянский изобретатель Маркони собрал в одно целое все эти немного разбросанные, только что нами описанные части и создал из них первый практичный прибор телеграфирования без проводов.

Волны испускала уже не разряды Герца и Бранли, не настоящий гром, как у Попова, но самый обыкновенные телеграфные сигналы. Приемником был кохерер Бранли, перо приводилось в действие электромагнитом, а на бумажной ленте перо записывало общеизвестные телеграфные сигналы Морзе.

Первые опыты беспроволочного телеграфирования производились на расстоянии всего нескольких сот метров. Маркони в 1896 году передал сигналы на 16 километров. Год спустя он установил уже сообщение между судами на 20 километров, а к концу 1897 г. связал беспроволочным телеграфом две станции на расстоянии около 50 километров. Посылая то короткие, то длительные группы волн —

можно получить на телеграфной ленте приемной станции штрихи и точки, как и в обыкновенном телеграфе с аппаратом Морзе.

Англия, как морская держава, одна из первых оценила все огромное значение появления беспроволочного телеграфа, давшего возможность судам сноситься между собой и с берегом. Первые удачные опыты Маркони были щедро поддержаны английским правительством и, благодаря этому обстоятельству, уже в 1901 году Маркони удалось довести беспроволочную передачу сигналов до 4.000 километров, с 18 октября 1907 вновь связать два материка Европы и Америки, — установив правильное беспроволочное сообщение между ними.

Посредством кохерера Бранли нельзя передавать сигналы на очень большие расстояния, поэтому кохерер, как детектор, т.-е. как прибор, обнаруживающий присутствие электрических волн, в настоящее время уступил свое место другим, более совершенным приборам, из которых особенно распространены **кристаллические детекторы**, состоящие из кристаллического минерала, на плоскую поверхность которых слабо нажимает острие, например, железный колчедан и золотая проволока, карборунд и стальная проволока, свинцовый блеск и медное острие.

Опыт показал, что такая система пропускает ток лишь в одном направлении, а в другом направлении его задерживает. Переменный ток, вызываемый колебательным электрическим разрядом, через такой детектор пройдет лишь толчками в одном направлении и может быть легче уловлен в телефоне, соединенном с радио-приемником, почему в последнее время радио-телеграфные сигналы воспринимаются в большинстве случаев звуковыми телефонными аппаратами.

В качестве источника эфирных волн в первое время служили сильные индукционные спирали, дававшие искры с так называемыми затухающими колебаниями.

Разницу между **затухающими** и **незатухающими** колебаниями можно пояснить на следующем примере: если взять обыкновенный маятник и дать ему некоторый толчок, он будет делать, благодаря сопротивлению воздуха и трению в оси, все уменьшающиеся размахи; звучащая струна также постепенно уменьшает свой розмах и звук прекращается: маятник и струна будут иметь затухающие колебания. Другое дело, если мы при каждом розмахе слегка будем подталкивать маятник, как это делается в современных часах посредством заводной пружины — маятник будет качаться, пока не кончится „завод“, т.-е. за счет запасенной в пружине энергии. Язычок свистка будет вибрировать, пока в свисток будут вдувать воздух — в обоих случаях здесь колебания будут незатухающие, сохраняющие свою первоначальную **амплитуду**, или размах.

Затухающие волны неудобны тем, что в них только первое колебание эфира обладает значительной силой, а последующие колебания быстро тухнут и сходят на нет. Поэтому, для дальней посылки затухающих волн надо употреблять очень сильные источники электрического тока. Значительно большее распространение по многим причинам получили в настоящее время незатухающие колебания, обладающие регулярными волнами одинаковой высоты и силы.

Для получения незатухающих колебаний в настоящее время пользуются электрическими машинами (**альтернаторами**) высокой частоты, дающими несколько тысяч колебаний в секунду, генераторами с **вольтовыми дугами** и, чаще всего, **катодными лампами**.

Громадная роль, которую эта лампа сыграла в развитии современной радио-связи, заслуживает того, чтобы остановиться несколько дольше на этом замечательном приборе.

Эдиссон уже около 40 лет тому назад заметил одно необъяснимое тогда явление. Если в обычную электрическую лампочку над светящейся нитью впаять проволоку с пластинкой и соединить ее проводом с положительным полюсом источника, питающего лампу, то по этому проводнику к пластинке потечет электрический ток. Теперь это загадочное явление объясняется возникновением между раскаленным волосом лампы и пластинкой потока особых мельчайших частиц — электронов, несущих собой заряд электричества, который и передается пластинке. По современным воззрениям, атомы всякого вещества содержат в себе некоторое количество еще более мелких частиц, названных электронами, заряженных положительным и отрицательным электричеством. Электроны выходят из атомов при различных обстоятельствах, между прочим, и при нака-

ливании тела от электрического тока. Поток таких электронов, с огромной скоростью несущийся в катодной лампе, создает, таким образом, как бы электрический ток к пластинке. Было найдено, что такая лампа может служить прекрасным детектором, пропуская ток лишь в одном направлении и, таким образом, выпрямляя его.

Включив катодную лампу в сеть приемной антенны радио-телеграфа, удалось переменный ток высокой частоты превратить в ток пульсирующий постоянный, который стало уже возможным воспринимать посредством телефона. Это усовершенствование произвело целый переворот в радио связи, положив начало радио-телефонированию. Но достоинства катодной лампы этим еще не были исчерпаны. Оказалось, что ею, с некоторыми изменениями, можно пользоваться в качестве усилителя принимаемых сигналов, но значительно лучшего, чем употреблявшееся ранее „реле“ — так, современные катодные реле в состоянии усиливать звук в телефоне в десять тысяч раз и более.

Скажем несколько слов о способе приема сигналов в телефон. Сам по себе телефон, введенный в цепь получающей станции, не в состоянии еще воспринимать незатухающие колебания, так как огромная их частота (до 100.000 раз в секунду) не сможет преодолеть инерцию телефонной пластинки. Не поможет здесь и одно их выпрямление (катодной лампой или детектором), так как создавшийся постоянный ток притянет мембрану телефона к его магнитному стерженьку, и телефон будет безмолствовать.

Действительное средство для устранения этого прилипания телефонной мембраны при действии незатухающих волн слишком сложно, чтобы здесь его описывать, и имеет чисто электрический характер. Для приемной станции оно заключается в помещении в ней своей очень маленькой передающей станции так называемого гетеродина, состоящей из одной передающей лампы и колебательного контура, который накладывает на волны, приходящие от большой отправительной станции, другие волны, менее мощные волны, но в то же время достаточно сильные, чтобы действовать на первые.

Здесь опять вопрос настройки. Надо придать волнам гетеродина, посредством катушки самоиндукции и конденсатора частоту, немного отличающуюся от частоты незатухающих волн отправительной станции. Таким образом, вызывается как бы наложение обоих токов, совершенно изменяющее характер колебаний. Происходит то, что называют в оптике интерференцией. Появляются новые колебания, с частотой, равной разнице частот встретившихся волн, или так называемые волны биения.

Например, если принимаемые волны имеют частоту в 100.000 (т.-е. 3.000 метров длины), то гетеродин настраивают на частоту 99.500. В результате получается звук биений с низкой частотой 500. А 500 колебаний в секунду дают телефонной мембране красивый музыкальный тон. Сигналы Морзе, переданные незатухающими волнами, могут теперь прийти к нам в этой прекрасной тональности.

Гетеродину обязана современная радиотелеграфия своими поразительными успехами. Он позволяет принимать радио-телеграммы в желательном тоне, усиливает их своей собственной энергией, надежно защищает станцию от посторонних электрических волн, облегчает точную настройку с волнами нужной станции и повышает чувствительность детектора.

Вот вкратце очерченные основные приборы радио, появившиеся за последние три десятилетия и осуществившие одно из самых смелых мечтаний человечества — передачу сигналов и речи без проводов.

Колебательный контур и резонатор Герца, кохерер Бранли, антенна Попова, детектор, незатухающая волна, катодная лампа, гетеродин — вот постепенные этапы развития радио-телефона.

Сейчас радио-сигналы передаются уже на десятки тысяч километров, огибая всю землю и здесь возникает вопрос: каким образом не исчезают эти сигналы в мировом пространстве и как могут они доходить на другой конец земного шара, если распространение их происходит подобно свету — прямолинейно? Это явление было разъяснено английским, недавно скончавшимся, физиком Хивисайдом, предположившим, что радио-волны отражаются от высоких слоев атмосферы, состоящих из разряженного водорода. Слои эти электропроводны и действуют на колебания подобно металлическому зеркалу, отбрасывая их под углом к земле. Отброшенная волна идет тогда по касательной, снова падает на отражающий слой и, таким образом, при до-

статочной силе колебаний в состоянии обежать полземного шара.

Не поразительно ли, в самом деле, что мы можем теперь слышать музыку и человеческий голос буквально за тридевять земель! Не в этой ли „чудесности“ кроется ошеломляющий успех распространения радио среди всех цивилизованных народов? В Америке уже насчитывается свыше 3 миллионов любителей, имеющих свои маленькие приемные радио-станции, — около 1 миллиона наберется еще в других странах — и все это появилось за последние 3 – 4 года...

Над развитием радио-техники работают теперь сотни изобретателей. Каждый год приносит нам все новые и новые достижения в этой области. Задачей сегодняшнего дня — передача радио-волн по одному направлению, подобно лучу прожектора.

До сих пор радио-волны идут со станции отправления во все стороны, и каждый может перехватить чужую, не предназначенную для него, радио-грамму. Недавние опыты Маркони с особого рода антенной из проводов, натянутых в форме параболического зеркала, показали, что при коротких волнах возможна посылка радио-сигналов по одному определенному направлению.

Здесь невольно рождается заманчивая мысль о возможности посылки без проводов не только слабых радио-сигналов, но и мощных электрических волн, несущих в себе тысячи лошадиных сил. Мы уже с некоторым пренебрежением смотрим на скучную паутину отживающих свой век телеграфных проводов, и — кто знает, — может быть, такой же стариной скоро будут нам казаться и провода электрических линий, когда на смену им появится беспроводная радио-передача энергии.

Как бы то ни было, мы можем с уверенностью сказать, что еще ближайшее десятилетие принесет в области радио-техники немало чудесных новинок.

В. Никольский.

НОВОЕ В ХИМИИ ФЕРМЕНТОВ.

Очень интересными в биологической химии являются так называемые ферменты (от латинского слова—ферворе — кипеть, бурлить), или вещества, лежащие в основе так называемых брожений. С явлениями брожений человечество очень давно знакомо и свыклось с ними, хотя внутренняя причина их оставалась долгое время неясной. Хлебное тесто поднимается, вскисает, оттого, что в него кладется особый фермент вместе с дрожжами. Очень давно также известно сбраживание вина из виноградного сока, приготовление спирта из картофеля и пшеницы, приготовление уксуса, кефира, кумыса, сыра и т. д. Все эти процессы немыслимы без участия ферментов, вырабатываемых особыми грибками, очень маленькими, видимыми только в микроскоп (см. рис. 1, 2). Сравнительно в недавнее уже время человечеству стало известно, что аналогичные процессы наблюдаются и в живом организме. Здесь ферменты вырабатываются особыми железами. Принимаемые с пищей белки, при помощи нескольких ферментов, находящихся у нас в желудке и кишках, разлагаются на мелкие части; не просто механически измельчаются, а химическое строение их совершенно изменяется, их молекула становится меньше, и, благодаря этому, белки в таком виде легко всасываются в кровь, а затем снова превращаются уже в белки нашего собственного тела или тела животного, которое употребляло этот белок. То же самое можно сказать и относительно употребляемого в пищу крахмала (в виде хлеба, плодов и т. п.), который также разлагается на мелкие частицы — виноградный сахар; относительно жиров, разлагающихся на глицерин и жирные кислоты и т. д. и т. д. Словом, ферментам мы должны отвести одно из важнейших мест в химических процессах нашего тела. Жизнь без них, конечно, немыслима. Однако, несмотря на значительный интерес, который представляют ферменты, процессы, возбуждаемые ими и строение их самих до сих пор были загадочны.

Прежде всего, что такое фермент с химической точки зрения?

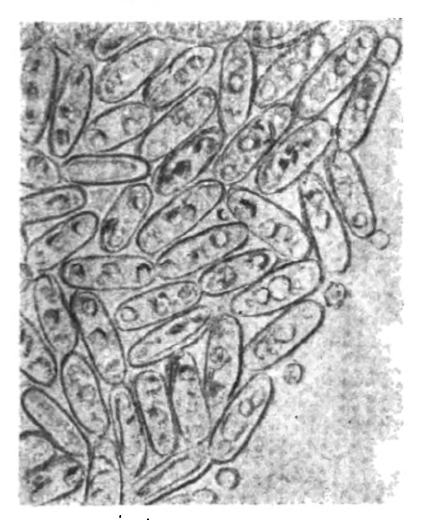

Рис. 1. Дрожжи из сладкого сока цветов шалфея при увеличении в 1.200 раз.

Не легко было ответить на этот вопрос, так как изучение ферментов столкнулось с большими трудностями.

Нужно было сначала решить вопрос о том, отделимы ли ферменты от самих живых существ (напр., дрожжей), вырабатывающих его или же они составляют нечто неразделимое целое? Оказалось, что такое разделение сделать довольно легко различными способами, например, растереть дрожжи с песком. При этом клеточки дрожжевого грибка разрушаются, но фермент остается целым, им можно так же сквасить тесто, или сбродить какое угодно количество сахара в спирт и т. д.

Казалось бы, что отделенный таким образом фермент легко изучить в смысле его строения.

Но это далеко не так.

Дело в том, что полученные таким образом ферменты оказываются не только не чистыми химически, но представляют довольно сложную смесь с различными веществами, главным образом с белками, от которых отделить их очень трудно без того, чтобы не повредить самый фермент. В этом заключается главная трудность изучения ферментов. Уже сравнительно невысокое нагревание обычно быстро обессиливает и вовсе уничтожает действие ферментов. Это свойство непрочности ферментов названо их лабильностью.

Еще в недавнее время полагали, что все ферменты суть белковые вещества, так как они дают химические реакции, свойственные белкам. Положение это, высказанное известным химиком Либихом в 1865 году, основывалось именно на этих реакциях. Но Вильштеттеру в недавнее время удалось показать, что далеко не все ферменты обязательно белковые вещества и что химические реакции, какими доказывалось прежнее положение, удавались с ферментами только потому, что последние не были достаточно очищены от белков.

Вильштеттер задался целью получить химически чистый фермент путем изменения электрических зарядов атомных групп, составляющих фермент и его примесь. Способ этот получил название фракционированной или избирательной адсорбции. Так, обрабатывая желудочный сок гидратом окиси алюминия [$Al(OH)_3$], получают липазу; обрабатывая тот же сок каолином, получают амилазу. При этом удалось достигнуть значительной чистоты фермента. Чистота узнается по возрастанию силы, с которой получаемый фермент действует. Так, фермент зимаза, заключающийся в обык-

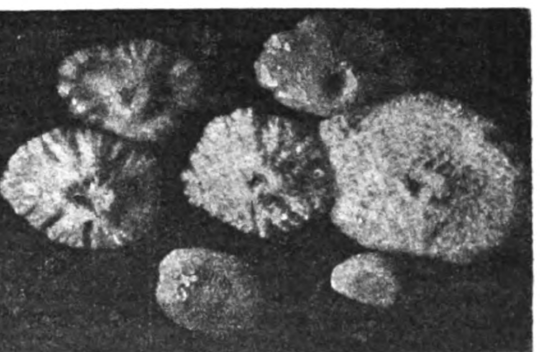

Рис. 2. Вид колонии дрожжей при искусственном выращивании их на желатине.

новенных дрожжах, после такого очищения его, усилил свое действие в 1.600 раз.

Такие результаты были достигнуты еще в прошлом году, а сведения о самых последних достижениях в этом направлении до нас еще не дошли.

Во всяком случае, полученные ферменты являются уже почти совершенно химически чистыми.

Точный анализ этих веществ показал, что ферменты представляют из себя сочетание коллоидных частиц с химически деятельными кристаллоидными группами. Следует заметить, что коллоидным состоянием вещества называется состояние крайнего распыления вещества в жидкости, при чем с величиной этого распыления увеличивается и площадь распыляемого вещества, следовательно—увеличивается и площадь действия этого вещества на какое-либо другое. Выяснилось также, что фермент с частичками вещества, на которое он действует, образует непрочные химические связи; однако, за короткое время этой связи, он успевает химически изменить это вещество. Таким образом одна и та же частичка фермента, снова освободившись, может соединиться со многими частичками вещества или так называемого субстрата. Отсюда становится понятным явление, казавшееся раньше загадочным, именно, что ничтожное количество фермента может произвести свое действие на почти неограниченное количество субстрата. Так, в сущности говоря, количество дрожжей, потребное для сквашивания обычного количества теста, достаточно для многих сотен пудов того же теста, только времени для сквашивания потребуется больше, чем при обыкновенном количестве теста. Это зависит не от того, что дрожжи имеют способность размножаться, так как одинаковые результаты получаются, если употреблять не самые дрожжи, а вытяжку из них, которая, очевидно, размножаться не может.

Далее подтвердилось свойство так называемой специфичности ферментов. Под этим свойством разумеется то, что какой-либо фермент может действовать на какое-либо одно вещество, разлагая его, а что на другое вещество этот фермент действовать не в состоянии. Так, пепсин, находящийся в желудочном соке, может действовать только на белки, а ни на жиры, ни на крахмал, ни на что другое действовать не может; липаза действует только на жир, амилаза только на крахмал, мальтаза только на солодовый сахар и т. п. Тайну этой специфичности раскрыть не удавалось. Но, благодаря усовершенствованию способа очищения ферментов, удалось выяснить и это. Оказалось, что ферменты потому специфичны, что действуют на вещества вполне сходного с ними состава и по своему химическому строению относятся к последним, как их прямо таки зеркальное изображение. Следовательно, ферменты по своему строению весьма различны, как различны и вещества, на которые они действуют. Для того, чтобы понять сходство химического строения ферментов с веществами, на которые они действуют, следует представить себе какую-нибудь геометрическую фигуру, отражающуюся в зеркале. Чтобы еще более приблизиться к этому пониманию, нужно взять в пример форму ключа и форму отверстия замка, который отпирается только одним именно этим ключом.

Чем сложнее вещество, т.-е. субстрат, на который фермент действует, тем сложнее и самый фермент и наоборот. Так, пепсин и трипсин без сомнения имеют очень сложное строение, как сложно строение самых белков, которые они разлагают (см. рис. 3).

До сих пор мы брали ферменты и в практике имели дело только с такими из них, которые способны лишь разлагать субстрат. Является мысль, нет ли таких ферментов, которые бы обладали силой разложенные вещества вновь соединить в прежнее целое, т.-е., напр., из многих частиц виноградного сахара образовать снова крахмал, из аминокислот — белок и т. п. Химические законы теоретически это не исключают, а напротив, подтверждают. Но, несмотря на это, до сих пор, именно в области этих сложных химических реакций, не удавалось подметить таких ферментов. Возможность существования синтезирующих (складывающих из отдельных раздробленных частиц) ферментов предвиделась русским ученым А. Я. Данилевским. Он предположил, что одни и те же ферменты, которые анализируют субстрат (разлагают вещество), они же могут и синтезировать (слагать). Было подмечено химиками вообще, что разложение вещества происходит только в присутствии воды, а соединение — в отсутствии ее, даже более этого, часто вещества соединяющиеся отдают от себя воду.

В последнее время химику Буркло пришло на ум проследить, как действуют обычные известные ферменты на субстрат в безводной

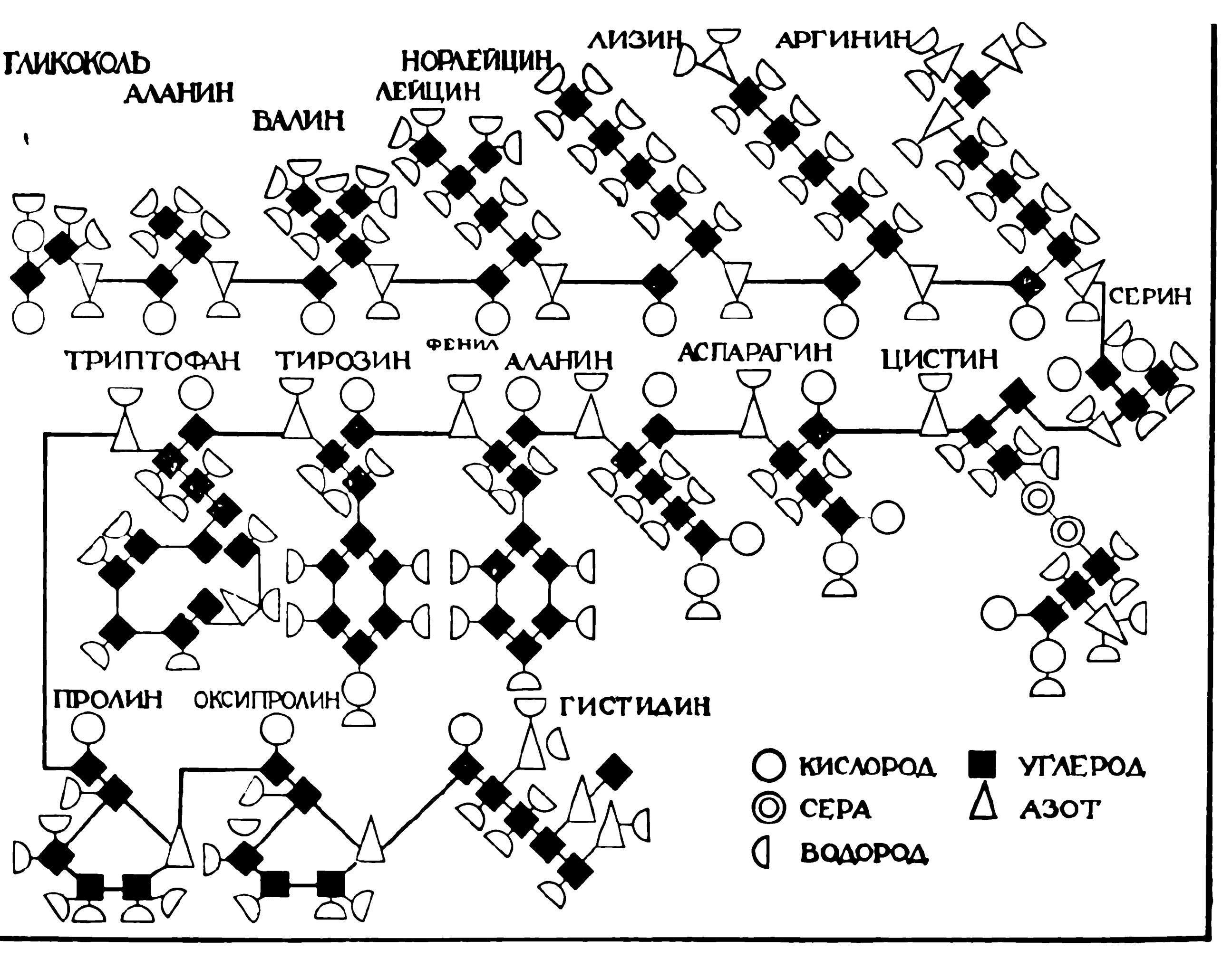

Рис. 3. Упрощенная схема построения белковой молекулы (по Фриденталю), показывающая чрезвычайную сложность ее. Таковыми должны быть и ферменты, действующие на белки.

среде. Для этого он взял безводный спирт и в нем проследил действие некоторых ферментов, которые не разрушаются спиртом, таковы напр., эмульсин, лактаза и зимаза. Оказывается, что две частицы виноградного сахара при этих условиях, под действием мальтазы, теряя одну частицу воды, соединяются и образуют тоже сахар, у которого молекула вдвое больше, чем у виноградного сахара. Такие сахара вообще называются дисахаридами или двойными сахарами. Подобные сахара существуют в природе. Тот сахар, который образован именно из двух молекул виноградного сахара с потерей частицы воды, называется мальтозой или солодовым сахаром. В данном же случае получается тоже дисахарид так наз. изомальтоза.

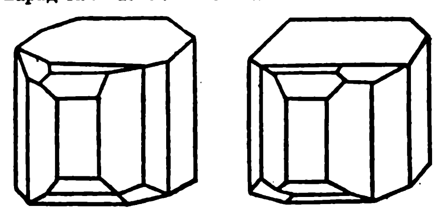

Рис. 4. Два изомера одной и той же кислоты (винной). Эти фигуры похожи друг на друга, но при вложении их одна в другую не могут совместиться.

Нам остается выяснить теперь, что такое изомальтоза, изолактоза и вообще изосоединения. Известно, что существуют мальтоза и изомальтоза, так же как существуют в химии вообще много изосоединений. Как мальтоза, так и изомальтоза имеют одинаковый атомный состав в своей молекуле — C_{12}, H_{22}, O_{11}, т.-е. в их молекулах — по 12 атомов углерода, двадцать два атома водорода и одиннадцать — кислорода. Самые же атомы у изомальтозы расположены несколько иначе в пространственном отношении, чем у мальтозы. При этом часто бывает так, что нормальные соединения и их изосоединения походят друг на друга, как их зеркальные изображения (см. рис. 4) или как его отпечаток на чем нибудь, как фотографический негатив на его отпечаток на бумаге, или как типографские буквы — на их оттиск, т.-е. появление изомальтозы и изолактозы в результате синтеза в безводной среде снова является доказательством того, что ферменты построены химически одинаково с субстратом, на который действуют и подходят к ним, как ключ к замку, почему и могут действовать лишь избирательно на одно определенное вещество. Если фермент имеет строение мальтозы, то в результате синтеза получается изомальтоза, а если бы он имел строение изомальтозы, то мы можем предположить, что получили бы нормальную мальтозу.

Какие же можно сделать выводы из всех этих сухих и кажущихся незначительными фактов?

Выводы и значения этих завоеваний громадны.

Знаменитый химик Эмиль Фишер в свое время сказал: „Тот, кто первый синтезирует фермент, тот выиграет громадную ставку". Сам Э. Фишер посвятил очень много труда искусственному приготовлению белков. Он соединяя между собой окончательные продукты расщепления белков, так наз. аминокислоты, и в результате получил вещества, очень напоминающие белки. Последние, так наз. полипептиды, даже дают некоторые реакции, характерные для белков. Фишер умер в первый год великой войны. Каллоидная химия при нем не имела еще таких завоеваний, как теперь. Теперь подтвердилось однако, что Фишер в деле искусственного изготовления белков стоял на верном пути. Но он для своей цели не пользовался услугами синтезирующих ферментов. Теперь, когда стало известно, что в лице ферментов можно иметь прекрасных агентов в деле созидания сложных органических веществ, становится ясно, что химия в один прекрасный день разрешит задачу приготовления белка, а за ним и живого вещества.

Образ средневекового гомункулуса, этого легендарного человечка, изготовить которого в реторте пытались средневековые алхимики, вновь теперь воскрешается. Но последний встает перед нами не как плод досужей фантазии, невежественных мечтаний невежественных людей, а как результат неумолимых и точных изысканий и выводов.

Не станем, однако, обольщать себя тем, что это будет достигнуто наукой в ближайшие годы. День приготовления лабораторным путем живого вещества еще очень далек, но мы должны пока быть довольны хотя тем, что он становится все ближе и ближе, а самое главное это то, как теоретическая, так и практическая химия все более и более укрепляют нас в мысли, что подобное достижение вообще вполне возможно.

А. Холопов.

Виды рыб, обитающих в больших океанских глубинах

Современные крупные рыболовы, пользующиеся для своих нужд прекрасно оборудованными паровыми шхунами большого тоннажа, за один улов вытаскивают до нескольких тысяч килограммов рыбы. Эти шхуны занимаются рыбной ловлей не только в прибрежных и мелководных местах, но и в открытом

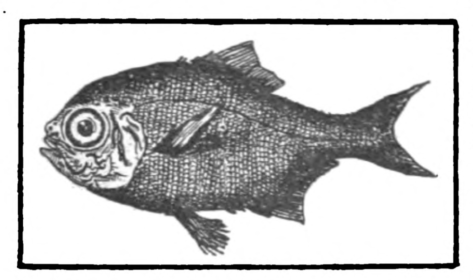

Рис. 1.

море, закидывая сети на 300—500 и более метров в глубину. Проникая, таким образом в границы больших океанских глубин, рыболовные снаряды захватывают обитающие там живые существа самых необычайных видов и окрасок, мало или совсем неизвестные до настоящего времени.

Необходимо вспомнить, что большие океанские глубины обнимают собой громадную часть нашей планеты, и на протяжении этих глубин, рыболовные снаряды, закинутые на 300 или 500, 2.000 или 3.000 метров, захватывают живые существа, количество которых показывает необычайную населенность этого, скрытого от глаза человека, мира. И как оказывается, этот мир, живущий в темных пучинах подводного царства, несравненно богаче, разнообразнее и многочисленнее, чем обитающий на суше или в воздухе. Но мало что известно о кипучей и напряженной жизни, протекающей вблизи нас; громадные глубины, до сих пор не исследованные, хранят свои тайны.

То же, что удалось добыть, благодаря случаю или удаче, поражает или своими цветами или своими формами. Рассмотрим некоторых наиболее типичных и оригинальных представителей подводного мира больших океанских глубин.

Вечух (Берикс) (см. рис. 1). Небольшая рыба, обитающая на глубине в несколько сот метров, вес которой доходит до 2 килограммов (около 5 фунтов). Очень красива, благодаря ярко пунцовой окраске спины и боков, переходящей на животе в розовые цвета самых нежных оттенков; глаза, по сравнению с туловищем, несоразмерно велики. Но необычайно яркие цвета этой рыбы существуют только для нас, так как водная среда на большой глубине погружена в почти полный мрак, в котором красивый наряд вечуха кажется лишь темным пятном неопределенного цвета. Для чего же существует эта яркая окраска? И какова ее роль в жизни описанной рыбы? Наука не дает никакого ответа на эти вопросы, предполагая лишь, что цвет вечуха происходит от отложения на внешних покровах ее окрашенных пигментов, являющимися продуктами испражнений.

„Vinciguerria" (Винсигеррия) (см. рис. 2). Мелкая рыба больших глубин, с выдающимися вперед, так называемыми „телескопическими" глазами; с каждого бока, от головы до хвоста, имеет хребтовидный рисунок серебристого цвета. Эта рыба имеет в нижней части головы и по всему животу ряд точек, излучающих довольно сильный фосфорический свет (на рис. показано черным). Для чего

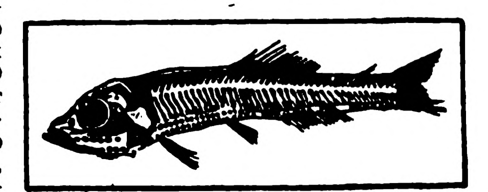

Рис. 2.

служат эти светящиеся органы? Объяснение, что эти точки помогают рыбе обнаруживать врага или добычу, не выдерживает критики, так как этому противоречит само расположение органов, посылающих свет не спереди животного, а книзу от него. На этом экземпляре наука вновь наталкивается на одну из тайн подводного мира, неразгаданную до настоящего времени.

Почти все рыбы больших глубин претерпевают целый ряд превращений, ранее чем стать вполне созревшим, взрослым экземпляром. Их внешний вид при этом меняется настолько резко, что имело место много случаев, когда несколько рыб одной и той же семьи, но в разных стадиях развития, принимались ученым миром за экземпляры совершенно разных видов. Особенно показательна

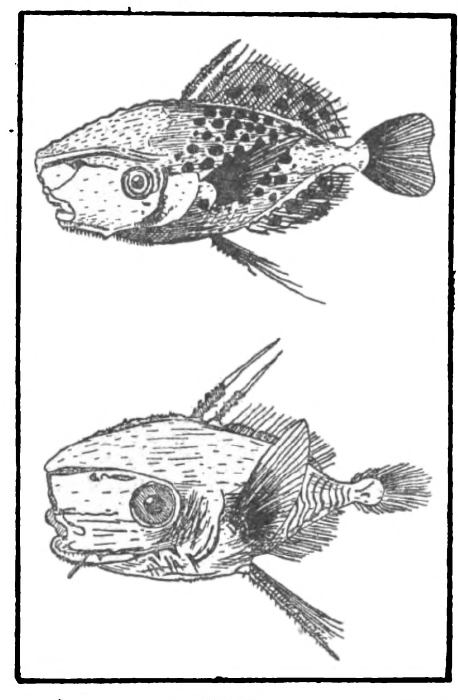

Рис. 3.

в этом отношении рыба „Luvarus“ (люварус), постепенное развитие которой показано на ряде приложенных рисунков. Самый молодой экземпляр „Luvarus'а“ (рис. 3, снизу) имеет около 8 миллиметров в длину и совершенно прозрачен, так что сквозь кожу можно проследить расположение всех его внутренних органов; крошечная рыбка солидно вооружена острыми иглами, находящимися на ее спине и животе. В последующей стадии (рис. 3, сверху) эти иглы постепенно укорачиваются и пропадает прозрачность оболочки; окраска становится гораздо темнее, и появляется ряд черных пятен на спине и на боках. При дальнейшем развитии

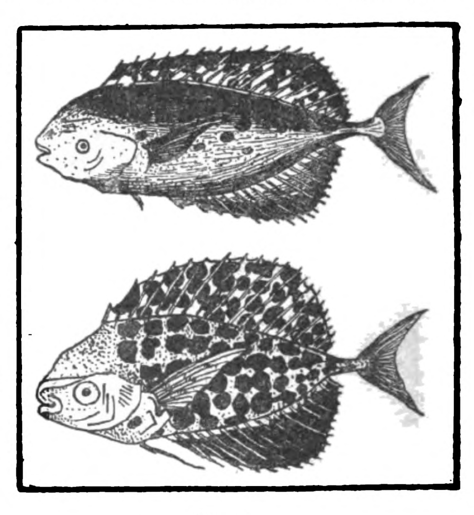

Рис. 4.

иглы пропадают совершенно и „Luvarus“ покрывается весь черными пятнами (рис. 4

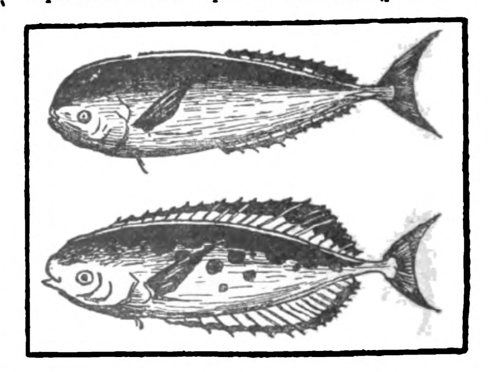

Рис. 5.

снизу); длина рыбы достигает уже 18 сантиметров; обращают на себя внимание несоразмерно большие плавники. В следующей стадии (рис. 4, сверху) эти плавники постепенно уменьшаются и снизу пропадает часть

пятен; в этом периоде „Luvarus“ достигает уже 30 сант. в длину. При дальнейшем росте пятна остаются только на спине; рыба, имеющая уже размеры в 40 сант., постепенно приобретает характерную серебристую окраску (рис. 5, снизу). Взрослый экземпляр (рис. 5, сверху), от 1 до $1^1/_2$ метров в длину, совершенно без пятен, с небольшими плавниками, окрашен в голубовато-серебристую краску, переходящую снизу в бледно-розовые тона; спина значительно темнее, достигающая густо-черного цвета.

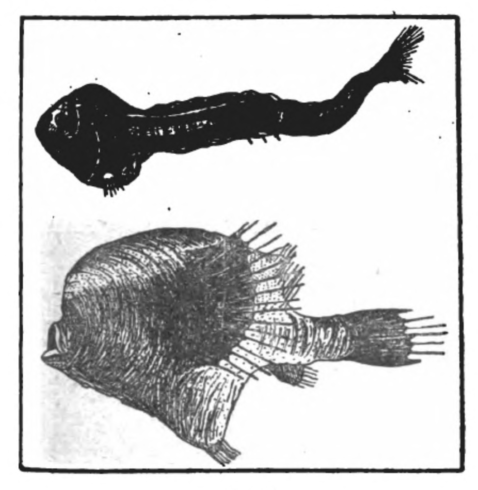

Рис. 6.

Ряд живых существ больших глубин, самых страшных и необъяснимых форм (рис. 6—7) и окрасок, принимаемые нами за законченные экземпляры неизученных еще пород, весьма вероятно представляют из себя не что иное, как первичную стадию каких-либо всем известных рыб различных семейств. Конечно, утверждать это нельзя; но пример „Luvarus'a“, дает нам право построить такое предположение.

Среди оригинальных жителей подводных глубин нельзя не отметить змеевидного „Nemichthys scolopaceus“—(„морской бекас“) (см. рис. 8, сверху) достигающего до $1^1/_2$ метров в длину, узенькая головка этой морской змеи вооружена длинным и острым клювом, как у кулика. „Nemichthys scolopaceus“ вылавливается довольно часто в водах Атлантического океана и Средиземного моря. К редчайшим представителям подводного мира принадлежит „Ijimaia Loppei“ (Ижимайя лоппей), первый

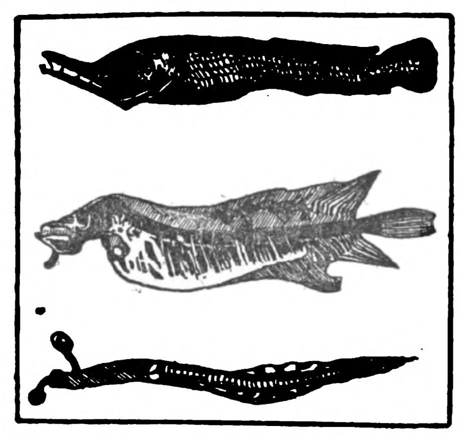

Рис. 7.

экземпляр которого был извлечен со дна моря в 1923 году (рис. 8, снизу) и достигает размера в 2 с лишним метра.

Перечислить здесь всех известных ученому миру обитателей больших океанских глубин, число которых заходит за тысячу, — конечно, нельзя, одно можно сказать с уверенностью: с усовершенствованием способов рыболовства и быстрым шаганием вперед водолазной техники, это число, бесспорно, увеличится на много, и естественные музеи обогатятся новыми экземплярами живых существ, о существовании которых никто даже и не подозревает.

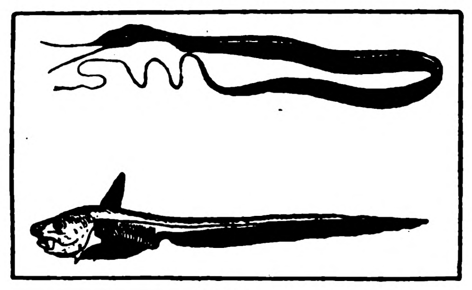

Рис. 8.

Ив. Комаров.

ПУТИ ЗАПАДНОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Почти каждое десятилетие в литературе отмечается ломкой старых традиций, изживанием прежних форм, жадными поисками нового содержания, новой идеологии и соответствующих им новых форм. Последнее десятилетие, с его остро выступившими социальными проблемами, с резкими столкновениями классовых интересов и яркой общественной окраской искусства, естественно, создало какие-то новые линии и пути в развитии западно-европейской литературы. Крайние левые течения, расцветшие в годы войны (итальянский футуризм, дадаизм во Франции и т. д.), теперь захирели—интерес и значение приобрели другие группы и направления: вырос и окреп социальный роман (У. Синклер, П. Амп); из маленькой группы антимиллитаристов, в которую входили Леонард Франк (Сборник „Человек добр"), Барбюс, Ж. Ромэн, Дюамель и др. создались два значительнейших литературных направления: унанимизм во Франции и экспрессионизм в Германии, оба построенные на широких общественных и нравственных началах, в противоположность чисто эстетическому и индивидуалистическому мировоззрению господствующих раньше направлений импрессионистов[1] и футуристов.

Однако, годы политических и социальных катастроф, породившие писателей, выдвинувших на первый план мировой литературы самые страшные социальные проблемы, мучительнейшие кризисы человеческого сознания, писателей, заглянувших в самые глубины человеческого духа, и в самые безотрадные черные уголки, где работает кирка и молот рабочего, — эти же годы породили и другую реакцию, неизбежную после всяческих мировых потрясений — это реакция на забвение, на уход от действительности. Вот почему в Европе прошла и большая полоса фантастической, утопической и мистико-романтической литературы. С другой стороны, в свои потревоженные и нарушенные временно права вступило производство литературы авантюрной и „для легкого чтения". Заурядный, в сущности, Пьер Бенуа поднялся на гребне этой волны в ряды „первоклассных величин"—его романы читает „вся Европа". Также легковесна и слава П. Морана и „шум" „Моники Лербье" В. Маргерита.

И, наконец, в настоящую минуту, на Западе и в Америке получил преобладающее значение реалистический и психологический роман с социальной окраской. Во Франции большой успех имеет многотомная психологическая эпопея Марселя Пруста „В поисках потеренного времени". Новую после „Жан Кристофа", эпопею написал Ромэн Роллан — „Очарованная душа".

Англия выдвинула своеобразного авантюрно-психологического романиста Джозефа Конрада. Америка дала, кроме давно пользующегося у нас известностью У. Синклера, новеллы Шервуда Андерсена и романы Синклера Люиса. Над всем этим зданием реалистического повествования высится величавая фигура Рабиндраната Тагора, этого „индусского Толстого", как его называют, в романах которого экзотика чуждого нам быта так прекрасно сочетается с обще-человеческими элементами.

* * *

Также как и основой нового жизнестроения, социальная проблема является главным жизненным стимулом новой литературы. И первая задача унанимизма, это — преодоление индивидуальной психологии и выявление психологии коллектива, как единого существа. Ж. Ромэн, основатель унанимизма, в своих произведениях, рисует жизнь не отдельной личности, а социальной группы, он изображает город, как целое („Преображенный град"), зрительный зал или фойэ театра, армию, стачку рабочих, толпу на улице, охваченную одним порывом и т. д. „Человек в толпе — это новое существо, которого никто не знает", говорит он, а современный человек есть, по преимуществу, человек толпы, часть коллектива, а не отдельная единица.

К унанимизму примыкают Ж. Дюамель, Ш. Вильдрак, Ренэ Аркос и ряд молодых авторов. Ж. Дюамель пользуется известностью не только у себя на родине, но и у нас. Пламенный антимилитарист и социалист-теоретик, он в своих книгах („Жизнь мучеников") с потрясающей силой рисует ужасные последствия войны, груды человеческих обломков, оргию крови в госпиталях и операционных залах. Эксплуататорство и продажность „господствующих" обнажает он в своих рассказах „Цивилизация". В более поздних своих вещах: — романах „Полуночная исповедь" и „Двое" — Дюамель показывает себя глубоким психологом и, если говорить о влияниях на него, то, конечно, можно назвать Достоевского.

Такие могучие одиночки, как Р. Роллан, П. Амп, Барбюс, Рони старший — не примыкая ни к каким художественным или общественным группам, ярко выражают тем не менее социальную сущность нового искусства. Параллельно унанимизму, но позже его, в Германии возникло и развилось другое литературное течение — экспрессионизм, это течение имело громадное влияние, оно охватило почти все литературные и художественные круги и выдвинуло много интересных писателей. Толлер, Унру, Мэйринк, Эдшмид, Верфель, Кайзер и ряд других известных писателей — созданы экспрессионизмом или создали его. Однако, художественная сущность этого течения осталась неопределенной и неясной, так как экспрессионизм есть скорее этическое, чем эстетическое мировоззрение, основывающее явление искусства не на формальной стороне, а на этическом содержении и на идеологии. Характеризуя художественный стиль и приемы экспрессионистов — приходится ограничиваться лишь отрицательными положениями, т.-е. говорить о том, с чем они борются

---

[1] Направление в искусстве, которое ставит своей целью передачу непосредственных художественных впечатлений, независимо от реальных форм изображаемых предметов и явлений.

и чего не имеют, так как многообразие стиля и форм является как будто господствующей чертой этого направления. Все экспрессионисты не похожи друг на друга — у них почти нет общих черт. До экспрессионизма в литературе господствовали два течения: натурализм и импрессионизм. И вот отречение от канонов этих групп и есть главное в экспрессионизме. Действительность нужно не отражать и даже не преображать, — говорят теоретики экспрессионизма, — а разрушить, дематериализовать дух, уничтожить иллюзию реальности. Нужно исходить не от внешних впечатлений, как это делали импрессионисты, а от внутренней сущности полновесного, гармонического человеческого существа. Практика творческого духа экспрессионистов повела их, таким образом, по двум путям: по пути фантастики и пути этического (а не социального) протеста против существующих условий жизни. На этом втором пути поэт вновь обрел звание судьи и учителя. Экспрессионизм проявился во всех жанрах: романе, новелле, драме, лирике. Оба пути экспрессионизма стали хорошо известными и у нас: „Эуген Несчастный" Толлера, „Газ" Кайзера, „Голем" Мейринка, „Человек из зеркала" Верфеля, „Род" Унру и другие произведения экспрессионистов были переведены и имели большой успех как в Европе, так и у нас.

Однако, в настоящее время это хаотическое, сумбурное течение, порожденное послевоенным катастрофическим сознанием — уже сходит с мировой сцены и литература возвращается к классическим традициям и реализму. Но если в европейской новелле и романе фантастическая линия, исходящая от Т. А. Гоффмана и Эдг. По — линия мистико-романическая — уже потеряла свое значение, то в противовес ей усиливается другая линия фантастики, являющаяся ответвлением социального романа, это — утопическая литература. Утопия, с одной стороны, наиболее приемлемая на Западе, „мягкая" форма социального протеста, с другой стороны, утопия отражает и отчасти предвосхищает достижения точных наук физики, химии, астрономии, чистой математики и т. д. Эйнштейновская теория, конечно, представляет богатейший материал для писателя утописта и, действительно, большинство современных утопий связано с понятиями о четвертом измерении и новыми принципами времени, как например, одна из последних утопий Уэлльса „Люди-боги". Наряду с утопией развивается и фантастическая сатира и социальный памфлет: во Франции — Ринер („Блаженные"), Роллан („Ли-лю-ли). В Америке — Синклер, в Англии — Бернард Шоу („Назад к Мафусаилу") и т. д. Однако эта форма выражения неудовлетворенности и недовольства жизнью, вызванных экономическим послевоенным кризисом, не может играть большой общественной роли: зыбкие мечтания о прекрасных временах и странах и недовольные кивки и намеки в сторону правительства и крупной буржуазии — в условиях железной действительности и обостренных классовых отношений — почти детская игра. Буржуазные писатели типа Бенуа, Фаррера, Поль Морана, выразители чаяний и вкусов буржуазии — создают авантюрно-экзотический роман и особенно пользующийся успехом и вниманием роман колониальный. („Владетельница Ливанского Замка" Бенуа, „Новые Люди" Фаррера, „Тамилла" Дюшэна и т. д.). Но зато подлинную общественную и художественную значимость имеет окрепший и развившийся в эти годы — социальный роман. Его главнейшие представители У. Синклер (роман агитационный), Пьер Амп (роман индустриальный) и Синклер Льюис (роман психологический и сатирико-бытовой). У. Синклер в своих произведениях („Король-Уголь", „Джунгли", „Джимми Хиггинс" и многие др.) базируется на документальных данных, он оперирует сухими цифрами, газетной информацией, сенсационными разоблачениями, не заботясь часто об интересности интриги, он как бы обнажает тенденции, пренебрегает средствами искусства и, конечно, художественная сторона его вещей проигрывает. Он зависит более от поверхностной идеологии революции, чем от ее внутренней стихии. Подлинный индустриальный эпос создал француз Пьер Амп, выразитель социальной личности, рисующий человека в процессе труда. На русский рынок выброшены почти все его произведения, развертывающие страницы нового индустриального эпоса: „Искатели золота", „Лилльские ткачи", „Песнь Песней", „Рельсы" и др. Сжато и скупо, сознательно ограничивая себя неблагодарной ролью исследователя, раскрывает Амп в „Лилльских ткачах" картины быта рабочих ткачей. Он даже не придумывает никакой „прикрашивающей" или психологической мотивировки. В оригинале книга называется „L'Enquête" „Анкета" и, действительно, это — исследование быта, это — повесть о труде и в ней автор всецело остается на площадке общественности. Гораздо более сильное и полное ощущение дает его другой роман „Песнь Песней", в котором Амп использовал все возможности искусства, где он с выверенной и взвешанной точностью располагает контрастные группы и накладывает краски. В этом романе Амп нарисовал жизнь большого парфюмерного завода от примитивной давильни древнего, как сам мир, ремесла, до сложных технических усовершенствований и химических препаратов, охвачены им все градации труда. Весь сложный механизм до мельчайших деталей развертывается в пластических, выпуклых образах. Ампу, этому художнику, учуявшему дыхание современности в мощных „легких" заводов — жизнь открылась как творческий беспрерывный трудовой процесс. Особенность творчества Ампа в том, что для него не существует „задних" фонов, или, вернее, эти фоны становятся центром. С легкостью перебрасывает он повествование от горнов завода и рабочих лачуг к „верхам" капитализма. Вряд ли существует более целостное и яркое воплощение психологии и философии дельца, всей сущности его бытия, вывороченного наизнанку, чем „Искатели золота" Ампа. Эта книжка почти „Так говорил Заратустра" интернационального хищничества. Ее афоризмы, поистине, достойны стать основоположением религии дельцов. В книге этой совсем нет действия, она развертывается диалогами, отточенными, меткими и неумолимо-обличающими. Страницы Ампа далеко несовершенны с точки зрения мастерства, его книги — это часто пласты сырого материала, автор как будто подавлен величием и количеством этого материала — все же социальная и художественная значительность Ампа очень велика.

Третий важнейший представитель нового романа — Синклер Льюис („Главная улица", „Испытание сокола", „На вольном воздухе", „Мистер Бэббит" и др.). Самое интересное у Льюиса — это „Мистер Бэббит" — и прежде всего, отсутствием

специфического „американизма“. Ждущие от романа ощущения новизны, изобретательства, кинематографических темпов — будут разочарованы. „Мистер Бэббит“ сатирический бытовой роман из жизни американского дельца, с великолепной сочной центральной фигурой „делателя долларов“. Обличительный пафос Льюиса может быть отнесен не только к американцам, но ко всей капиталистической Европе, потому что то, что рисует Льюис — страшное цивилизованное захолустье, мертвенную механизацию жизни, власть установившихся шаблонов, кладбище живых мертвецов — все это характеризует не только Америку, но и всю современную „сумерничающую“ буржуазию.

* * *

Резкое разграничение литературных путей на Западе очевидно: с одной стороны, сантиментальная и повышенно-сексуальная, националистическая (колониальная) и экзотическая, с мистико-фантастическим уклоном—литература буржуазного общества, с другой стороны — еще не социалистическая, но уже враждебная идеалистическому индивидуализму буржуазии — литература передовой интеллигенции: этический протест экспрессионистов, коллективизм унанимистов и все расширяющий свои границы и возможности — социальный роман.

Августа Рашковская.

АНАТОЛЬ ФРАНС

Год тому назад восьмидесятилетним стариком умер всемирно известный французский писатель Анатоль Франс.

Он происходил из буржуазной семьи, — отец его имел книжно-антикварную лавку — и кончил свою жизнь состоятельным человеком, жившим в причудливо-обставленном произведениями искусства, археологическими драгоценностями и редкостными книгами, доме-дворце. Та мелкая буржуазия, из которой А. Франс вышел, и та средняя буржуазия, в ряды которой он вошел, как квалифицированный, хорошо-материально поставленный писатель, этот (в продолжении всего XIX в.) основной класс французского общества выступил впервые на историческую сцену в конце восемнадцатого века — именно эта буржуазия, в которой мелкая сливалась со средней, была тем классом, который совершил великую революцию (на-ряду с крестьянством).

В романе „Боги жаждут“ он изобразил французское общество в дни великой революции, т.-е. свой класс в дни его исторического рождения — и на этом фоне деятелей революции — некоторым образом своих предков.

В сороковые годы девятнадцатого века мелкая и средняя буржуазия Франции снова сыграла большую роль в Февральской революции, свергая власть финансовых королей, вновь провозглашая — как в дни великой революции — республику, сочувствуя социальным преобразованиям.

К этому не лишенному героического под'ема второму этапу, в истории своего класса, А. Франс также относился не без чувства уважения и даже восхищения.

Когда наполеоновская империя была разбита немцами, когда рабочие и ремесленники Парижа провозгласили Коммуну, то средняя буржуазия не перекинулась в стан версальцев, душителей Коммуны, но и не примкнула решительно к последней, заняв по отношению к ней выжидательную позицию. Когда затем выяснилось поражение коммунаров, она осторожно отмежевалась от Коммуны.

В одном из своих романов — „Жан Сервиен“ А. Франс, как подлинный сын и писатель своего класса — занимает, как историк беллетрист этих дней — ту же самую позицию, какую занимала в эти дни средняя буржуазия. Он изображает наполеоновский режим и его чиновников чрезвычайно отрицательно, а рабоче-ремесленную революцию Парижа без всякого сочувствия, — заставляя героя романа сначала встать в ряды защитников Коммуны, а потом с ними разойтись — охлажденным и не удовлетворенным.

После разгрома Коммуны воцарилась третья республика. У власти стала буржуазия, которая все более развивалась в сторону крупной промышленной и финансовой (что, впрочем, определилось яснее лишь в XX в.). В общей обстановке буржуазного благополучия положение среднего класса было устойчивым и обеспеченным. Сказывались, конечно, психологические последствия военного разгрома, лишившего страну первенства в Европе, и французская буржуазная интеллигенция, как и значительные слои самой буржуазии — были заражены общественным равнодушием. Да и не было перед этим классом — средней буржуазией — впереди широких и больших задач. Историческая роль класса была по существу сыграна. Из революционного, вперед идущего, он превратился в клас застывший, неподвижный.

Что оставалось делать этому классу, обеспеченному, нереволюционному, жившему в атмосфере равнодушия к общественным вопросам, как не провозгласить целью жизни—наслаждение, наслаждение любовью, наслаждение искусством, наслаждение жизнью. Все, что способствует наслаждению, ложится в основу мировоззрения Франса. Как философ он сенсуалист (чувственник), признающий основой душевной жизни ощущения (приятные) и материалист (не диалектически), признающий первенство за материей, а не за духом. Он об'являет себя учеником греческого философа Эпикура („Сад Эпикура“), который будучи таким же сексуалистом и материалистом, провозгласил целью жизни наслаждение. Из всех видов наслаждения наивысшим ему представляется любовь. Любовь он мыслит только как чувственную, все его герои любят женщин только

как самцы, все его героини мыслят любовь только в виде альковной. На-ряду с любовью—искусство. На-ряду с красивым телом—красивая форма. Все что мешает наслаждению жизнью отвергалось Франсом, как нечто вредное. Это, прежде всего всякое религиозное учение, направленное на унижение тела и возвеличение духа. Всю жизнь А. Франс вел полную иронии, вплоть до цинизма, борьбу против христианства, как учения, относящегося пренебрежительно к телесному миру, к наслаждению (в „Таисе", в „Съестной лавке", в „Восстании ангелов"). Во-вторых, он видел врага во всякой политической партии и политической программе, которые заставляют человека жить во имя известных идей, во имя известной практической деятельности. Вот почему он вел кампанию не только против христианской религии, но и против французских революционеров XVIII в., против якобинцев, которые подчиняли свое я и свое поведение отвлеченным нравственным и гражданским идеалам, мешавшим им пассивно наслаждаться жизнью (в предисловии к „Мнениям аббата Куаньяра").

Наконец, третьим фактором, вредным для человечества с точки зрения философа-эпикурейца, является господство мысли над чувством — превращению живой жизни в систему отвлеченных идей; равно, как и всякое твердое убеждение, принуждающее человека фанатически его отстаивать, подвергая вместе с тем всесторонней критике убеждения других. Отсюда неприязнь А. Франса ко всякой систематизации идей в области ли истории, которую он (как автор двухтомной жизни Орлеанской девы) мыслил не как научное об'яснение фактов, а как беллетристическое описание отдельных случаев), в области ли литературной критики, которую он превращал в передачу личных впечатлений от того или иного писателя, наконец, будь то в области философии, где он принимал только точку зрения скептицизма, сомнения, ибо сомнение освобождает от необходимости строить собственную систему мыслей и бороться с противоположными другими философскими системами. Таков был А. Франс в последние десятилетия XIX в., сексуалист, материалист, эпикуреец, скептик.

Наиболее яркой фигурой, созданной им в этот период, является аббат Куаньяр (в „Съестной лавке королевы гусиные лапки" и в „Мнениях аббата Куаньяра").

В начале XX ст. Франция вступает в новый период своей истории. Растет крупная (металлургическая, в частности, военная) промышленность. Растет могущество финансового капитала. Организуется крупная буржуазия трестов и банков. Складывается империалистическая идеология. Растет территория колоний. Франция готовится к „мести" Германии. Возникает и новая духовная культура. Идеология французской буржуазной интеллигенции освобождается от того наслажденчества, эстетизма, безрелигиозности, которые проповедывал А. Франс. Идеология „молодой Франции" носит печать империализма, национализма, католицизма и... монархизма, как эту же печать носят значительные пласты французской литературы XX в. Эта „новая" Франция впервые выступила сплоченно и активно в самом конце XIX в., в известном процессе капитана Дрейфуса, еврея, который был обвинен генеральным штабом в продаже Германии военных документов и сослан на каторгу на Чортов остров, хотя на самом деле был совершенно невиновен. Поднялись голоса в пользу пересмотра дела, и этот вопрос разделил страну на два враждебных лагеря. Вместе с своим классом — средней образованной буржуазией — А. Франс встал в ряды ревизионистов и с этого момента он выходит из своего прежнего состояния общественного равнодушия и пассивного эстетического созерцательства. Дело Дрейфуса было, однако, только внешним толчком. В той новой Франции, какая слагалась в XX в. положение средней буржуазии становилось затруднительным. Общественное развитие приводило к резкому расслоению на крупную буржуазию и на пролетариат. Средняя буржуазия очутилась между этими двумя классами и чужая как миру трестов и банков, так и миру фабрик и мастерских, она между двумя видами зла (с ее точки зрения) между империализмом и социализмом — выбирала то, которое ей казалось меньшим — социализм.

Анатоль Франс XX века не совсем тот, какой он был в XIX столетии.

Он остается, правда, тем же сексуалистом и материалистом, эпикурейцем и эстетом, каким был раньше, но вместе с тем он становится и общественным деятелем и в своих художественных произведениях он отводит все больше места общественным вопросам. Он сближается с французской социалистической партией, состоявшей из двух главных фракций — из группы Жореса (мелкобуржуазные и интеллигентские слои) и группы Геда (рабочие-марксисты)

А. Франс сближается именно с Жоресом, хотя и не соглашается с его переоценкой парламентарных способов борьбы за социализм. Он выступает на митингах с речами, в которых восстает против империализма, против колониальной политики, против милитаризма, против реакционных устремлений крупного капитала, ратуя в то же время за международное об'единение рабочих, за идеалы II Интернационала.

Однако, можно ли назвать А. Франса социалистом?

В изданной им, под свежим еще впечатлением общественного движения, вызванного делом Дрейфуса, книге „На белом камне" в конце в виде сновидения описывается будущее социалистическое общество. Однако, в этой книге бросается в глаза отсутствие у А. Франса заинтересованности и увлечения темой.

Насколько мало вошла идея социализма в кровь и мозг А. Франса — видно далее из того, что в следующей своей книге „Остров пингвинов", автор повествует о том, как сложилась новая Франция, Франция XX в., Франция трестов и синдикатов, как росло недовольство не столько среди пролетариата, а главным образом среди интеллигенции, как последняя взрывает анархически сначала отдельные здания, потом целые кварталы, как город за городом превращается в пустырь, как на пустырь приходят пастухи со своими стадами — снова начинается пастушеский быт — затем земледельцы засеивают их злаками — появляются местечки и города, они сливаются в большой капиталистический город, снова концентрируется капитал, образуются тресты и синдикаты. Человечество вторично проходит тот же путь развития от кочевого быта до финансового капитала, пройдет его, возможно, еще в третий раз и никакого места для перехода от капитализма к социализму в исторической схеме А. Франса не имеется.

И, кажется, насколько у нас имеются данные судить по значительной мемуарной литературе — социализм и в личной жизни Франса не играл существенной роли. Прохладное отношение А. Франса к социализму — можно объяснить еще тем обстоятельством, что французская социалистическая партия была слаба, оппортунистична, что в ней не было истинно-революционного духа, другими словами — некоторым вполне законным недоверием ко II Интернационалу, подлинная мещанская, консервативная и предательская физиономия которого в наши дни так явственно обнаружилась.

Однако, истинной причиной малой социалистичности французского писателя является то обстоятельство, что тот класс, представителем которого был А. Франс, по существу своей классовой природы не может принять революцию и социализм полностью и безоговорочно.

И эти черты явственно сказались в двух ярких — может быть в двух лучших романах А. Франса, которые трактуют ту же тему — тему о революции — буржуазной и социальной. Один из этих романов озаглавлен „Боги жаждут".

Изображается революция (противо-дворянская и противо-церковная), произведенная мелкой и средней буржуазией в XVIII в. Однако, она изображается в романе — с точки зрения этого класса, но в другой совсем исторический период существования этого класса, когда он перестал быть революционным. В центре событий стоит герой-художник-якобинец — при чем автор освещает его не без некоторой двойственности. С одной стороны, этот якобинец представитель революционной буржуазии XVIII в. — человек хороший, сочувственно-обрисованный — он глубоко честен, исполнен семейного чувства (к матери-старушке), сострадателен к беднякам — словом наделен рядом мелкобуржуазных, по преимуществу, добродетелей. С точки зрения революционного класса все эти добродетели, как раз, особой ценности не представляют. Наоборот, все, что с точки зрения революционного класса ценно — а именно фанатическая вера в правоту своего дела, готовность во имя своего революционного идеала порвать со всеми, даже близкими, если они этому идеалу изменяют, готовность проливать кровь всех врагов революции, приверженность к идее террора — все эти черты, которые честного, доброго семейственного мещанина делают именно революционером и героем — все эти черты кажутся автору неприемлемыми, отрицательными, искажающими человеческий облик якобинца. Это есть изображение предка-революционера с точки зрения потомка, которому уже не приходится делать с в о ю революцию, революцию своего класса.

Как относится А. Франс — сын и писатель буржуазии — к проблеме социальной революции?

Этой теме посвящен другой — в своем роде блестящий — последний значительный роман А. Франса — „Восстание ангелов". Не пролетариат Франции или Европы поднимает социальную революцию, а ангелы, некогда восставшие под предводительством сатаны против бога и побежденные им, спустившиеся в ад или поселившиеся на земле. Некоторые из них, правда, принимают участие в рабочем движении, подготовляют почву для земной социальной революции, однако, а главная их задача — произвести революцию на небесах, свергнуть бога-саваофа и его чиновников и воинов. Восстание против власти религиозного мышления, а не восстание против власти капитала и буржуазии — вот чем озабочен был престарелый французский писатель. Но и от этой с в о е й революции ангелы, в конце концов, отказываются.

Прежде, чем совершить какую бы то ни было революцию, в том числе и социальную, необходимо, по мнению А. Франса, очистить дух от всякой автаритарности, властолюбия и т. д. иначе вся перемена, весь переворот выразится лишь в том, что власть перейдет от одного класса к другому без всякого изменения ее содержания и ее направления.

Надо мышление преобразовать, прежде чем преобразовать мир.

Так остался А. Франс по существу верен своему классу, которому в тягость империализм, но который чужд и социализму.

До конца своей жизни он оставался философом наслаждения. В своем последнем крупном романе „Восстание ангелов" он еще раз выразил мечту всей своей жизни, заставляя старого ангела-сатира грезить о том далеком времени, когда на земле снова появится Дионис, бог радости, в свите пляшущих вакханок и Аполлон, бог красоты, окруженный музами, хранительницами искусства.

Таков был покойный А. Франс.

Враг империалистической буржуазии, он не слился крепко и с пролетариатом. Но он преодолел гипноз буржуазного общества и буржуазной культуры, он брал под сомнение и подвергал осмеянию, все буржуазные учреждения, парламентаризм и милитаризм, он неустанно боролся словом и смехом против религии, — церкви, поповских выдумок и басен. В своих политических речах он красноречиво защищал идею социализма и звал рабочих противопоставить черному Интернационалу насилия и крови красный Интернационал труда и мира.

И наконец, он был неизменным другом русской рабочей революции. Он горячо призывал в 1905 г. французских рабочих поддержать русский пролетариат, в октябре опрокинувший царизм, а в декабре строивший баррикады и против царя и против буржуазии. Он также горячо приветствовал Красный Октябрь, завершивший дело, начатое в 1905 году.

Был даже момент, когда он — глубокий старик — подумывал вступить в ряды Коммунистической партии, но — раздумал.

Тот же классовый инстинкт, который заставил А. Франса изобразить в романе „Боги жаждут" сторонника французских коммунистов XVIII в. без сочувствия, помешал ему вступить в ряды французской компартии.

И вот почему французские товарищи-коммунисты, сотрудники журнала „Свет" (Кларте), после смерти А. Франса, на страницах этого органа подвергли его труды и поведение чрезвычайно резкой и быть может не всегда справедливой, критике, как деятеля и писателя, изменившего старому забрызганному кровью парижских рабочих знамени бессмертной Коммуны.

В. Фриче.

Лариса Рейснер. Уголь, железо и живые люди. Государ. Издат. Ленинград 1925 г., стр. 108. Цена 80 коп.

Книга содержит десять очерков-набросков бытового характера, в которых автор знакомит с жизнью, условиями работы и обстановкой на рудниках. Автор дает очень живые и интересные картинки рабочей жизни. Содержание книги далеко не ограничивается одной беллетристической стороной. В очерках много научного материала. Автор всякий раз стремится подчеркнуть экономическое значение того или иного района для СССР, указывает пути к улучшению экономического благосостояния рабочих, останавливается на технической стороне промышленности. Район, охваченный автором, довольно широк, но, главным образом — Донбасс и Сибирь. Книга написана увлекательно, и легко может быть прочтена любым рабочим. Язык простой и местами образный. Книгу можно рекомендовать рабочему читателю, в первую очередь, конечно, металлисту. Работая над металлом металлист обязан знать, где этот материал добывается, при каких условиях и как живут те его товарищи, которые трудятся над добыванием этого металла.

Т. Г.

Коллонтай, А. Отрывки из дневника 1914 года. — Ленинград. Государ. Издат. 1925 г., стр. 79. Цена 50 коп.

Книга, которую следует рекомендовать прочесть каждому комсомольцу, каждому рабочему и работнице. Настолько интересно, живо и литературно изобразил автор, — старая партийная работница, — свои переживания за границей во время начала мировой войны. Как известно, Коллонтай была задержана на одном из германских курортов во время об'явления войны и перенесла много лишений и испытаний со стороны германских властей. Описывая свои мытарства, автор стремится дать живую картину тогдашнего настроения империалистической Германии. Измена социал-демократической партии, общий под'ем шовинизма, частые аресты среди русских социалистов, обыски, допросы — все это мастерски, красочно и живо представила талантливая писательница. С чувством большого волнения автор следит за катящейся по наклонной плоскости германской соц.-демократии и с большим восторгом рассказывает о своих встречах с Карлом Либкнехтом, — этим почти единственным вождем, оставшимся в Германии верным заветам социализма.

Интересная книга; ее следует прочесть.

Т. Г.

А. Зорич. „Глушь", очерки. — „Молодая Гвардия" 1925 г.

Один известный критик утверждал, что фельетоны Зорича много потеряют, будучи напечатанными не в газете, а в книжке. Второй сборник зоричевских очерков заставляет убедиться как раз в обратном: общий заголовок и систематичность — только усиливают интерес фельетонов, в свое время печатавшихся в „Правде". Там они были только отдельными заметками. Характерными и острыми, но — только отдельными... Здесь же связанные „круговой" темой, они дают выпуклую картину целой полосы, которая удачно названа „глушью". Деревенское бездорожье, деревня своей „оборотной стороной", пугающе грубая, а порою просто наивная и смешная — эта „сторона" деревенского быта крепко и образно записана Зоричем,

Книжка Зорича, равно как и его фельетоны, в большинстве, дает пример любопытного сочетания конкретных газетных фактов, хорошего, но обыкновенного газетного материала — с четкой и своеобразной художественной отделкой. Правда, в художественной манере Зорича явно сквозит влияние больших мастеров (особенно Гоголя и Лескова, как замечает В. Шкловский). Но оригинальность Зорича заключается в том, что он сумел приспособить художественные приемы к газетному фельетону. И делает это вполне удачно.

Наиболее яркие очерки в зоричевской книжке, по нашему мнению, „Американка", „Чудо в Калиновке" и „Вендетта". По поводу этих очерков можно было бы много сказать. Но из-за недостатка места ограничимся несколькими словами. В этих очерках Зорич показывает себя человеком, который хорошо знает нынешнюю деревню, особенно — темные ее уголки. И то, что в их основу положены подлинные случаи и факты, — сообщает им особую значимость.

Зел. Ш—н.

„Ленинка." Пьеса Ленинградского Пролеткульта. — Ленинград. Рабочее Изд-во „ПРИБОЙ" (Сектор „Работница и Крестьянка"). 1925 г., стр. 24. Цена 10 коп.

Рабочий любительский театр приобретает хорошую пьесу — „Ленинка". Простая постановка, с небольшим количеством участвующих лиц, делает пьесу пригодной для самых скромных театральных сцен.

В пьесе только четыре картины. Сюжет в высшей степени несложный, рисующий новый тип работницы на фоне отмирающих старых устоев семьи. Пьеса составлена весьма удачно. Язык ее простой и легкий, близкий к живому рабочему языку. Идея глубокая. Пьеса производит впечатление.

Можно рекомендовать для постановок любительских рабочих спектаклей комсомольцев и крестьянской молодежи.

Г.

Т. Светлов. „Корни". Стихи. — „Московский рабочий". 1925.

Маленькая книжка, которая оставляет сразу двойственное впечатление. Многие стихи Светлова дышат подлинным, революционным подъемом. Особенно „Стихи о ребе", где революция дана на фоне старого еврейского быта. Сюда же можно отнести и „Кольку", „Екатеринослав" и друг. Но характерно, что рядом же стихи совершенно иного свойства. В них уже отчетливо проступает упадочность. В „Теплушке", например, читаем: „Я от деда далеко отъехал и навряд ли доеду до внука", а в стихотворении, посвященном покончившему самоубийством поэту Никол. Кузнецову: „Может из нас синея скоро лежать любому — это моя шея дико зовет на помощь". Подобных строчек много рассыпано в этой маленькой книжке. Светлов перепутал свои корни: одна половина напитана горячим революционным материалом, другая, бо́льшая, ушла в нездоровую идеологически почву. И если Светлов „не подружит враждующие ноги" („Товарищам") — споткнуться по настоящему отнюдь не трудно...

Зел. Ш—н.

„Судьбы современной интеллигенции" — Доклад Луначарского, речи Сакулина, Бухарина, Ключникова. — „Моск. рабочий" 1925 г.

„Московский Рабочий" выпустил эту книжку очень и очень кстати. Вопрос об интеллигенции, об ее значении в борьбе классов, вопрос о том, какую роль играет и будет еще играть интеллигенция в размахе революционной борьбы и строительства—это сейчас один из острых и значительных вопросов. Недаром каждая новая работа об интеллигенции сопровождается самым широким интересом. Очевидно, такою должна быть судьба и этой книжки, собравшей в себе стенограммы диспута, на котором были представлены и марксисты—Луначарский, Бухарин—и другая сторона—Сакулин, Ключников.

В своем докладе Луначарский подчеркнул значение „интеллигентской проблемы". „Нет никакого сомнения,—говорит он,—что и там (за границей) мы должны готовиться к тому моменту, когда власть перейдет в руки пролетариата. Нет никакого сомнения, что и там интеллигенция, как и у нас, будет раскалываться, будет иметь правое и левое крыло. И совершенно очевидно, в зависимости от того, где пройдет граница, легче или труднее будет судьба революции".

Марксистских работ об интеллигенции, которые бы популярно, но вместе с тем достаточно широко и полно давали четкий анализ этой группы, мы имеем очень мало. И это еще больше увеличивает значение рецензируемой книжки. В ней мы находим короткую, простую и отчетливую формулировку понятия „интеллигенция". Луначарский отмечает интеллигенцию, как группу, которая „по очень многим свойствам может быть причислена к ремесленной части мелкой буржуазии". Бухарин добавляет: „интеллигенцию называют новым третьим сословием. Ее рост связывают с ростом крупного производства". По мнению Бухарина, определение интеллигенции, как средней буржуазии, может быть, главным образом, отнесено к интеллигенции российской. В отношении Запада это определение недостаточно...

Нам кажется, что пролетарское студенчество и комсомолия должны особенно тщательно ознакомится с этой книжкой. В ней не только ставится вопрос об интеллигенции старой. В значительной степени уделяется внимание и новой, советской интеллигенции, интеллигенции, которая формируется сейчас в наших пролетарских вузах. И Бухарин и Луначарский в своих речах подчеркивают значение этой новой интеллигенции и те опасности, которые встречаются на пути ее роста и развития.

Я. Рудой. Государственный капитализм в России во время империалистической войны; с предисловием Г. Циперовича. Рабочее издательство „ПРИБОЙ". Ленинград. 1925 г., 96 стр. Цена 50 коп.

Империалистическая война потребовала от царской России проведения государственной монополии, или так называемого государственного капитализма, усиленно практиковавшегося во всех остальных воюющих странах. Эта сторона экономической жизни царской России в литературе до сих пор была освещена слабо. Книга Я. Рудого дает характеристику этого периода, указывая, насколько неудачны были попытки царского правительства следовать примеру высоко развитых капиталистических стран Западной Европы, насколько эти попытки разрушили производительные силы страны и ускорили победу пролетарской революции в России.

Государственный капитализм в России явился следствием трех причин: полной хозяйственной разрухи, от которой до сих пор не может оправиться страна; неспособности царизма справиться с задачами войны, наличия одинаковых империалистических целей буржуазии и самодержавия.

В дальнейшем, Рудой обрисовывает состояние хозяйственной разрухи во время войны, дает картину сельского хозяйства, внешней торговли, финансов, промышленности, транспорта и продовольствия. Затем автор переходит к моменту борьбы царского правительства с хозяйственной разрухой. Царским правительством на помощь была призвана буржуазия. Но тут происходит столкновение интересов, с одной стороны, буржуазии, засевшей в военно-промышленных комитетах и стремившейся главным образом, к личному обогащению, и, с другой стороны, помещиков, организовавшихся в земские союзы и ведших борьбу с буржуазией за полную принудительную милитаризацию промышленности и за повышение цен на хлеб.

Слабые попытки царского правительства хоть немножко уменьшить аппетиты промышленников путем введения военного налога на прибыль, благодаря натискам буржуазии не удались; совет министров решил отложить рассмотрение проекта министерства финансов. Борьба с дороговизной также была не удачна, так как правительство оказалось не в силах регулировать как хлебозаготовки, так и промышленность.

Затем автор переходит к роли рабочей группы в военно-промышленных комитетах, показывает всю никчемность этого предприятия, которое ни в какой степени не разрешило противоречий между рабочими и буржуазией, вылившихся в целый ряд

стачек, из которых наиболее показательной была путиловская стачка.

Государственный капитализм, — выводит автор общее заключение, — содействовал выявлению антагонизма среди господствующих классов. Никакие силы уже не могли вернуть помещичьему классу его былого экономического и политического могущества. Буржуазия, которая ввела во время войны государственный капитализм, как только миновала острая военная необходимость, не преминула отказаться от него и перейти к излюбленным методам „регулирования" на основе частно капиталистической монополии синдикатов и трестов.

Завершение государственного регулирования, происшедшее после Октябрской революции, основано было на совершенно иной социальной базе — на государственной власти пролетариата, единственно способной дать законченное выражение этому процессу.

Книга т. Рудого читается с большим интересом и дает даже мало подготовленному читателю возможность уяснить, насколько Октябрьская революция была подготовлена государственным капитализмом во время войны.

А. Р.

И. Б. Розенфельд. Первая железная дорога в России. Петрозаводск. 1925 г. 116 стр.

А. Катикман. Чугунка в возрасте ста лет. Рабочее Изд-во „Прибой". Ленинград. 1925 г., 122 стр. Цена 60 коп.

Открытие первой железной дороги, являясь логическим завершением промышленного переворота, произведенного, изобретенной за 60 лет до этого, первой паровой машиной, представляет собою крупнейшее событие в истории поступательного движения капитализма.

Настоящие две брошюры написаны в связи со столетним юбилеем железных дорог, исполнившимся 27 сентября с. г. и под разным углом зрения знакомят читателя с историей возникновения железных дорог. Брошюра И. Б. Розенфельда является экономическим исследованием истории возникновения железнодорожного строительства. В первой главе автор дает беглый очерк истории железной дороги за границей по отдельным странам, при чем приводится попутно интересный материал, рисующий экономику западно-европейских стран данной эпохи. В последующих главах автор более подробно останавливается на истории открытия первой железной дороги в России, подробно рисуя все стадии борьбы, инициатором которой явился выдающийся австрийский инженер Герстнер, построивший в 1837 году первую железную дорогу от тогдашнего Петербурга до Царского села и выдвинувший грандиозный для того времени проект сооружения целой сети железных дорог в России, — проект, который ему не удалось осуществить из-за оказанного противодействия со стороны царского правительства.

Большим недостатком брошюры Розенфельда является чрезмерная сухость изложения и отсутствие оценки общественно-революционного значения рассматриваемого события.

Брошюра А. Катикмана посвящена технике железнодорожного строительства. В популярной и живой форме А. Катикман дает последовательную историю технического развития и усовершенствования железнодорожной связи. Автор дает краткие сведения об однорельсовых, зубчатых, горных, электрических, воздушных и подземных железных дорогах, попутно знакомя читателя со строительством железнодорожных мостов и вокзалов.

Брошюра А. Катикмана снабжена удачно подобранными рисунками и, как интересно написанная, может быть рекомендована вниманию массового читателя. Чрезвычайно неудачно и бессодержательно только введение, вместо которого следовало бы дать краткую вступительную статью об экономических предпосылках строительства железных дорог и их значении в современной жизни.

Л. Г.

О. Пятницкий. „Записки большевика" (Истпарт). Издание „Прибой". Ленинград. 1926 г. Цена 1 рубль.

Во вступительных замечаниях к своей книге т. Пятницкий пишет: „Если молодые члены нашей партии и юные ленинцы получат от моих записок хоть малейшее представление, в каких условиях и как приходилось работать старым членам большевистской партии (условия, в которых мне приходилось работать, в общем и целом могут быть применимы ко многим большевикам; многим из них, пожалуй, пришлось работать при гораздо худших условиях), и если хоть один штрих из моих записок может быть использован для истории нашей партии, то я буду считать, что время, потраченное мною на «Воспоминания», не пропало даром".

Задача, которую поставил себе автор, выполнена им блестяще. При чтении его «Воспоминаний» получается живая картина революционной борьбы и партийной жизни за двадцать один год (1896—1916 г.г.).

Однако, только этим не исчерпывается значение книги. Масса фактического материала из всех областей партийной работы различных периодов могут служить значительным материалом и для историка Партии.

Слабее всего в книге освещено время до 2-го С'езда РС-ДРП, но и эта часть работы дает крайне интересные материалы о жизни и быте рабочих Литвы и о „бундовской" ограниченности (стр. 16—17).

Зато остальная часть захватывает все стороны партийной работы, вплоть до количества листовок, выпущенных типографией МК (большевистского центра), германское рабочее движение, жизнь ссыльных и эмигрантов.

Одно примечание автора о Бельском (стр. 99) устарело. Приговором Московского Губсуда летом 1925 года Бельский признан провокатором и расстрелян.

Издана книга прилично, шрифт четкий, хорошая бумага, почти нет опечаток.

Ответственный редактор: Мих. Левин.

Адрес редакции: Ленинград, Проспект 25 Октября, № 1.

Ленинградский Гублит № 2086. Тираж 25.125—4 л. Зак. 81. Тип. Раб. Изд. „Прибой“ им. Евг. Соколовой. Пр. Кр. Команд., 29.

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ", Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Телеф. 2-24-09